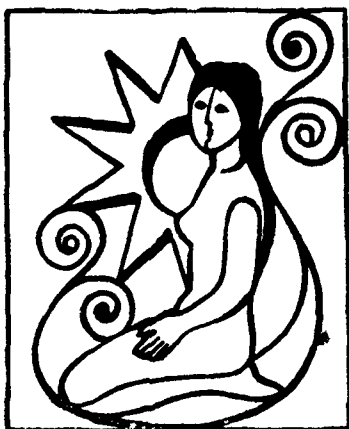

Н. С. ДЖИДАЛАЕВ

**ДАЛЕКОЕ-
БЛИЗКОЕ**

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1989

ББК 63.5

Д 41

Джидалаев Н. С.

Д 41   Далекое—близкое. — Махачкала: Даг. кн. изд-во,
1989. — 80 с.

Книга представляет собой интересный, нигде не публиковавшийся материал, подтверждающий языковые, исторические и фольклорные связи народов Дагестана с древними болгарами.

Написанная живо, увлекательно, доступно, она, без сомнения, вызовет интерес у самой широкой читательской аудитории.

ББК 63.5

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Народный поэт Дагестана Юсуп Хаппалаев в стихотворении, посвященном своему другу, известному чувашскому поэту Педеру Хузангаю, пишет:

...Хотя лакцы и чувашци
И очень отдалены друг от друга,
Почему же слова в наших языках
Так схожи между собою?
Или это объясняется
Родством наших сердец,
Или же это объясняется
Родством наших языков...
Не являемся ли и вы, и мы,
Впоследствии отделившись,
Двумя обломками
Когда-то одного народа...!

Поэт ставит вопрос о возможности родства по происхождению (по лингвистической терминологии — генетического родства) лакского и чувашского языков и, соответственно, этническом родстве лакского и чувашского народов. И в подтверждение своего мнения, высказанного, правда, в форме риторического вопроса, автор далее в том же стихотворении указывает на некоторые слова, которые и в чувашском, и в лакском имеют одинаковое звучание и одно и то же значение: *карт*—зарубка, *касак*—кусок, *Аьжа*—имя собств. женское*.

Поэт, сам того не ведая, прикоснулся ко все еще малоизвестным страницам истории тюркско-дагестанских этноязыковых контактов, которые осуществлялись в течение последних пятнадцати

---

* Дело, конечно, не в количестве слов. Если бы не каноны стихосложения, поэт мог бы указать на десятки подобных совпадений. Я видел его пометки на полях многотомного словаря чувашского языка Н. И. Ашмарина.

веков и имели самые разнообразные, порою неожиданные последствия для нескольких десятков народов и языков.

Специальные исследования показали, что интенсивные и многовековые экономические, социально-политические и культурные взаимоотношения тюркоязычного и дагестаноязычного населения привели к большому количеству заимствований из азербайджанского языка в лезгинском, табасаранском, цахурском и других языках Южного Дагестана. Азербайджанизмами пронизана вся лексическая ткань этих языков, в них много азербайджанских словообразовательных и других элементов. Сильному влиянию кумыкского языка подвергся аварский язык; количество заимствованных слов из кумыкского и азербайджанского языков в даргинском и лакском доходит до тысячи единиц в каждом.

Сегодня известно, что часть лезгин, а также некоторых других южнодагестанских народов в свое время сменили родной язык и перешли на азербайджанский. Таким образом возникли кубинский диалект азербайджанского языка и ряд других диалектов и говоров, специфические особенности которых формировались на дагестаноязычном субстрате. На даргинском и аварском субстратах образовались южный и подгорный диалекты кумыкского языка, носители которых являются потомками некогда смешавшихся между собой дагестаноязычного и кумыкоязычного населения регионов.

Однако все наши сведения об истории взаимоотношений дагестанцев и тюрков, дагестанских и тюркских языков относились лишь к сравнительно позднему периоду, начало которого приходится на время кипчакских и огузских вторжений на Кавказ (XI—XIII вв.) и формирование здесь на автохтонной основе новых тюркоязычных этносов — кумыков и азербайджанцев.

До недавнего времени ничего или почти ничего не было известно о более ранних тюрках, обитавших на территории Дагестана и Северного Кавказа, общение с которыми оставило примечательные вехи в многовековой истории тюрко-дагестанских этноязыковых контактов. Лишь специалистам «узкой» тематики было известно, что на Северном Кавказе в раннем средневековье обитали гунны, савиры, хазары, булгары. В исторических работах они фигурировали как-то вне времени и пространства, как некие безликие кочевники, проходившие по дагестанской прибрежной полосе, от которых почти ничего не осталось. Во всяком случае, присутствие этих племен в Дагестане не воспринималось как историческая реальность и, естественно, речи не могло быть о том, что они имели какое-либо реальное касательство к истории дагестанцев, к истории дагестанских языков.

Между тем, речь идет, по меньшей мере, о пяти-шести столетиях истории Дагестана, о столетиях, которые составляли период,

пожалуй, один из наиболее важных и поворотных в исторических судьбах наших предков. Тогда дагестанцы впервые столкнулись с арабо-мусульманской экспансией, и перед ними со всей реальностью встал вопрос о выборе между тремя «предложенными» великими религиями, тем самым и о необходимости определения направления дальнейшего развития культуры и духовной жизни края на многие последующие века. Новые и неожиданные соседско-кочевники к тому времени уже оказывали воздействие на судьбы многих других народов и культур, их присутствие влияло на изменение этнической и языковой карты Восточной Европы. От отношения наших предков к кочевникам зависело, чтобы драма нашествия не завершилась исторической трагедией.

Накопленный в последние годы усилиями многих исследователей материал позволил сделать ряд важных открытий и выводов в истории народов Дагестана, начиная с древнейших времен до наших дней, по-новому, новаторски взглянуть на многие явления нашего прошлого, нашей культуры, коренным образом пересмотреть сложившиеся десятилетиями представления.

Мы вновь открыли, что народы Дагестана еще за много веков до Октябрьской революции имели свою письменность и развитую по тем временам письменную литературу на родных языках, а не только на арабском и тюркском, образцы фольклора — под стать мировым шедеврам. Мы узнали, что Дагестан был одним из крупных и признанных центров арабо-мусульманской культуры, что здесь были свои авторитеты в теологии, мусульманском праве, логике, риторике, стилистике.

Исследования и выступления наших ученых последнего времени способствовали расширению горизонтов общественного самосознания, патриотического и интернационалистического мышления и высветили нравственную значимость понятий «малая родина» и «малые языки». Многим нашим читателям-дагестанцам еще предстоит узнать богатую событиями историю своей родины, в которой доминировало созидательное начало. Эта история далеко не ограничивалась нашествиями иранских полчищ и победой над ними на горе Турчи, шамилевскими войнами и аякакинским сражением.

Если вернуться к нашей теме, нужно сказать, что еще лет 15—20 тому назад считалось, по меньшей мере, бесперспективным искать какие-либо следы материальной культуры, оставленные в Дагестане ранними кочевниками-тюрками. Что же касается попыток найти следы их языка (языков) в Дагестане и тем самым установить их этноязыковую принадлежность, то это полагали ненаучным занятием. За последнее время появился ряд научных сообщений, статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций наших археологов, историков, языковедов, посвященных истории и культуре раннесредневековых тюрков Дагестана, их социально-эко-

номической и политической жизни, обрядам, верованиям, а также особенностям их языка. Много интересного и неожиданного открылось в истории их взаимоотношений с автохтонным населением.

Один из примечательных аспектов проблемы этноязыковых взаимосвязей предков дагестанцев и ранних тюрков—это, пожалуй, возможность перебросить мост между Дагестаном и Венгрией, Болгарией на Балканах, республиками Поволжья, в том числе и Чувашией.

Еще в прошлом веке было известно о глубоких этнических и языковых связях булгар и предков венгров, которые осуществлялись в течение веков на Кавказе и на Дунае, на всем пути следования булгарских и угорских племен из Сибири на Запад. Было известно, что булгары-тюрки составили один из основных этнических компонентов при формировании современного болгарского этноса со славянским языком; кстати, этому процессу обязано и само название страны—Болгария.

Возвращаясь к началу нашего разговора, можно сказать: в свете новейших открытий и выводов ученых мнение автора стихотворения о взаимосвязи лакцев и чувашей, лакского и чувашского языков уже не выглядит невероятным и странным. Более того, под него можно подвести научную базу и достаточно убедительно показать существование в далеком прошлом близких связей между предками дагестанцев (а не только лакцев) и чувашей. Об этом и настоящая книга, в которой я хочу в доступной даже для непосвященных форме рассказать о том, что является связующим звеном между Дагестаном и далекой Чувашией, дагестанскими и чувашскими языками, что, в сущности, представляют те нераскрытые страницы в истории тюркско-дагестанских этноязыковых взаимоотношений, о которых говорилось выше.

Однако прежде чем приступить к нашему рассказу, необходимо внести ясность в поставленный поэтом вопрос и уточнить, о близости какого характера между чувашами и лакцами и их языками может идти речь. Дело в том, что многие, иногда не исключая и филологов, историков, о критериях установления родства языков и родства народов имеют не совсем правильное представление. Часто, правда, не без основания родство языков без оговорок механически перекладывают на народы, говорящие на этих языках, и делают вывод и об их родстве.

Необходимо подчеркнуть, что генетическое родство языков далеко не всегда может свидетельствовать о родстве по происхождению народов, говорящих на этих языках.

На двух генетически родственных языках могут говорить народы, не имеющие по происхождению ничего общего между собой. Например, доказано, и это общеизвестно, что кумыкский и якутский языки являются родственными по происхождению. Оба

языка по своему грамматическому строю и словарному составу восходят к древнейшему тюркскому языку-основе. Но общего в этническом происхождении между якутами в Сибири и кумыками на Кавказе очень мало. Более того, якуты и кумыки относятся к совершенно различным человеческим расам.

Народы Дагестана считаются родственными между собой не только потому, что их языки являются генетически родственными. Если исходить из этого принципа, то такую дагестанскую народность, как кумыки, нельзя было бы считать родственной другим дагестанским народностям, так как кумыкский язык, как один из языков тюркской группы, по происхождению не имеет никакого отношения к языкам дагестанской группы (аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому, табасаранскому и др.). Но в действительности это не так. Научно доказано, что кумыки — народность, которая сложилась на местной дагестанской почве точно так же, как и остальные народности и этнические группы.

Территория, где происходил процесс формирования кумыкской народности, с древнейших времен была заселена местными племенами. Правда, в равнинный Дагестан еще в древние времена проникали извне племена различного происхождения. Однако при смешанных браках с иноэтническим, инокультурным населением местный дагестанский элемент всегда оказывался преобладающим, доминирующим.

Приход в Дагестан кипчаков и других тюркских племен также не внес заметного изменения в этническую структуру местного населения. Процесс кипчакизации (тюркизации) средневековых кумыков только лишь завершил смену языка местным населением. Доказательством того, что кумыки по своему этническому происхождению — типичная дагестанская народность, являются, наряду с показаниями материальной и духовной культуры, и собственно лингвистические данные, в частности местные топонимические названия, которые расшифровываются на основе не кумыкского, а дагестанских языков, а также дагестанские субстратные элементы в диалектах кумыкского языка. Да и по своему антропологическому типу кумыки не отличаются от других коренных дагестанцев.

Несостоятельность прямолинейного приложения критерия генетического родства языков к этническому родству их носителей становится очевидной и по другим частным случаям дагестанской этноязыковой действительности.

Арчинцы — одна из уникальных этнических единиц Дагестана, представлены в одном селении Арчиб и нескольких хуторах (Чародинский р-он). Объективные географические и социально-экономические условия, в которых они находились в течение веков, во многом сблизили арчинцев с соседним лакским и аварским насе-

лением; впоследствии арчинцы стали функционировать как составной компонент современной аварской народности. Дело даже не в формальном акте паспортизации, а в самой сущности.

Но вряд ли кому, кроме лингвистов-дагестановедов, известно, что родной язык арчинцев (который, правда, внешне не похож ни на один дагестанский язык) по своему происхождению более близок к лезгинскому и другим языкам лезгинской подгруппы, чем к лакскому и тому же аварскому языкам.

То, что большинство народностей Дагестана имеет общее происхождение и их языки (за исключением кумыкского языка и некоторых др.) являются генетически родственными, скорее «приятное стечение обстоятельств».

И тот немаловажный факт, что народы Дагестана сознают свою общность, обусловлен не тем, что им известно о генетическом родстве их языков. Трудно представить, чтобы они вынесли это сознание из доисторических эпох и пронесли через многие тысячелетия до новейших времен. Общность дагестанских народов сложилась не в силу генетического родства их языков, она формировалась веками на основе общности исторических судеб, общности материальной и духовной культуры, обусловливаемой объективными социально-экономическими процессами.

Что касается «генетического родства лакского и чувашского языков», то нужно отметить, что эти языки не имеют между собой никакого, даже самого отдаленного, родства. Лакский язык вместе с аваро-андо-цезскими, даргинским, лезгинским, нахским (чеченским, ингушским, бацбийским) входит в дагестано-нахскую группу близкородственных по происхождению языков. Есть серьезные основания считать, что с этой группой имеет генетическое, но, правда, как полагают, более отдаленное родство абхазо-адыгские, а также картвельские (грузинский, мегрельский, сванский) языки.

Чувашский же язык относится к тюркской группе языков. В эту группу входят многочисленные языки Евразии (всего 27 современных живых языков), в том числе турецкий, туркменский — на юге, якутский, уйгурский — на востоке, караимский и гагаузский — на западе и татарский — на севере, азербайджанский, кумыкский, ногайский, карачаево-балкарский, тухменский языки — на Кавказе. Как доказано, все эти языки восходят к одному языку-основе и произошли от близких между собой пратюркских диалектов.

Теперь относительно общих в чувашском и лакском языках слов, на которые указывает поэт в своем стихотворении.

Как отмечалось выше, в словарном составе лакского языка, как и в ряде других дагестанских языков, представлено значительное количество азербайджанских и кумыкских слов, которые проникли в эти языки в результате многовековых контактов носителей этих языков с кумыками и азербайджанцами. В таких дагес-

танских языках, как лезгинский, табасаранский, рутульский, цахурский, агульский и другие, представлены в основном заимствования из азербайджанского языка, так как эти народы в силу известных географических, а также социально-экономических предпосылок имели тесные и продолжительные взаимоотношения с азербайджанцами. В других дагестанских языках, как, например, аварский, в основном представлены кумыкские заимствования, так как аварцы исторически контактировали с кумыками. А в закатальских и некоторых других южных диалектах и говорах аварского языка среди тюркских заимствований преобладают азербайджанизмы, что объясняется также известными географическими и социально-экономическими обстоятельствами. В лакском же языке, как и в даргинском, представлены азербайджанские и кумыкские заимствования, так как лакцы и даргинцы контактировали и с азербайджанцами, и с кумыками.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что большинство слов во всех языках тюркской группы как по форме, так и по содержанию совпадают между собой или очень похожи друг на друга. Хотя чувашский язык по своим фонетическим особенностям значительно отличается от других тюркских языков, в том числе и от кумыкского и азербайджанского, но тем не менее и в чувашском языке немало слов, совпадающих по форме и содержанию с кумыкскими и азербайджанскими словами. Тем более в силу известных причин в чувашском языке оказалось много заимствований из соседнего татарского языка, который намного ближе к кумыкскому, да и азербайджанскому языкам, чем к чувашскому. Поэтому при желании в словарном составе чувашского и лакского языков (так же, как и других дагестанских языков), можно найти десятки совпадающих по форме и содержанию слов.

Если же обратиться конкретно к тем словам, на которые поэт указывает в своем стихотворении, можно уточнить: в кумыкском *керт* «надрез, надкол, зарубка, засечка, метка, сделанная чем-либо твердым», *гесек* «кусок, клочок, ломтик, часть, отрывок, обрезок», ср. в лакском *карт* и *касак* в этих же значениях. Лакское женское имя *Аьжа* действительно тюркского происхождения. Оно представлено во многих тюркских языках, в том числе в языке памятников древнетюркской письменности. Но в лакский язык оно попало, скорее, из кумыкской среды. Ср: кумык. *Ажай* «женское имя, ласкательное обращение к пожилой женщине». Между прочим, *Аьжа* в лакском языке имеет несколько фонетических вариантов, воспринимаемых лакцами как различные имена: *Ажи, Ажа, Ача*. У некоторых лакцев (напр., в с. Аракуль) *ажа* — форма обращения к матери, «мама», «мамаша». Многообразность этого имени в лакском языке объясняется тем, что оно проникало в лакскую среду не один раз и не из одного отдельного кумыкского диалекта.

Однако в чувашском и лакском языках можно обнаружить и такие общие слова, совпадение которых никак нельзя объяснить ссылками на азербайджанский и кумыкский языки. Этих слов нет ни в азербайджанском, ни в кумыкском языках, поэтому их нельзя считать заимствованиями из этих языков. Этих слов мы не найдем и в тех тюркских языках, с которыми лакский язык мог иметь какой-нибудь, хотя бы кратковременный, контакт — в турецком, ногайском, крымско-татарском, даже в туркменском, узбекском (вспомним о лакцах-отходниках) языках.

Дело в том, что слова, которые мы имеем в виду (к ним мы еще обратимся в ходе изложения), по своей фонетической оболочке не могут быть ни азербайджанскими, ни кумыкскими, ни ногайскими, ни татарскими — они имеют ярко выраженные чувашские особенности. Но вместе с тем представляется невероятным, что эти слова попали в лакский язык непосредственно из чувашского языка. Ни в наши дни, ни в обозримом прошлом лакцы не соприкасались с чувашами, и как будто бы нет других видимых причин для непосредственного заимствования слов из чувашского языка. Даже лакские мастера-отходники, устраивавшие свои небольшие колонии и в Китае, и в Абиссинии, и в Западной Европе, не бывали, насколько удастся проследить, в чувашской среде. В таком случае как же объяснить подобные совпадения?

Этот кажущийся парадокс станет понятным, если мы несколько глубже заглянем в историю наших народов, а вопрос родства народов и родства языков рассмотрим в несколько ином ракурсе.

РАССУЖДЕНИЕ О СВОДНЫХ БРАТЬЯХ

В самом деле, ведь кроме «родных братьев», упомянутых поэтом, бывают еще и сводные, между которыми нет кровного родства. Подобно тому, как мачеха может привести в новую семью своего сына, точно так же может распорядиться историческая судьба-мачеха, и какой-либо народ в один прекрасный день оказывается на новой территории рядом с другим народом, с которым не имеет ничего общего ни по своему происхождению, ни по языку, ни по своей материальной и духовной культуре. Подобно тому, как от мачехи и отчима зависит, как сложатся дальнейшая судьба и взаимоотношения сводных братьев, точно так же, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств, пришельцы или могут уйти, как и пришли, или же навсегда останутся и обретут на новом месте настоящую родину.

Контакты народов, в зависимости от их продолжительности, форм и от того, в какую эпоху и при каких социальных и экономических их обстоятельствах они происходили, могут быть или эпизодическими и не оставить никаких или почти никаких следов ни в культуре, ни в языке соседей, или настолько глубокими, продолжительными и разносторонними, что возникает вопрос о сродстве или вторичном (благоприобретенном) родстве контактировавших народов. При этом необходимо отметить общие черты *в материальной и духовной культуре*, проявившиеся конкретно в предметах домашнего обихода и орудиях труда, одежде, формах, способах ведения хозяйства, в мифических, религиозных образах и представлениях, обрядах, а также в фольклоре.

Характерной особенностью благоприобретенного родства является то, что оно возникло в историческое время на конкретном месте, между конкретными, уже сложившимися народами, поэтому его во многих случаях можно проследить в исторической перспективе. Для нашего сюжета важно подчеркнуть, что весь путь становления и развития благоприобретенного родства обязательно находит свое непосредственное отражение в языках контактировавших народов. Это выражается прежде всего в словарном со-

ставе, т е возникает пласт общих слов, односторонне или взаимно заимствованных, а также заимствованных обоими языками из одного общего источника, в формах, способе словообразования и оформлении предложений, в идентичных по смыслу поговорках, поговорках и т д

В языке находит отражение и такая форма контактов, как этническое смещение, которое может выразиться в частичном или во фронтальном смещении. Различные формы этнических взаимоотношений двух соседних народов настолько точно и красноречиво отражаются в языках, что в ряде случаев удается установить, была ли смена языка на данной территории и какой из двух смешавшихся некогда народов был местным, а какой — пришлым. Крылатое выражение «история языка — это история народа» можно понять и в том смысле, что история языка — это история взаимоотношений его носителей с другими народами.

В этой связи правомерен вопрос читателя: если речь идет о сводном братстве народов и об их непосредственных контактах, то могли ли быть дагестанцы и чувашаи сводными братьями?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо заглянуть в историю чувашского народа и найти в ней те линии, которые могли бы скреститься с линиями истории лакцев или других дагестанских народов и определить место и время их соприкосновения.

Было время, когда утверждение о древних контактах венгров и чувашей могло кого угодно шокировать. Ведь венгров от чувашей отделяет добрая половина европейского континента¹. Однако после того, как появились работы венгерских ученых Й Буденца, Б Мункачи, а также З Гомбоца (*Die vulgariŝh — turkischen Lehnwörter in der unga rischen sprache* Helsinki, 1912), «странный» вопрос о древних венгеро чувашских этноязыковых связях стал обычной, но весьма актуальной научной проблемой, над которой работает и, подчеркнем, безуспешно не одно поколение исследователей, и прежде всего венгерских. Характерно, что тема академического доклада Л Легети при его избрании в Венгерскую Академию наук (1937 г) называлась «О слоях тюркских заимствований в венгерском языке». В порядке справки последующие исследования показали, что контакты венгров с предками чувашей осуществлялись не в Поволжье, на чем до конца своей жизни настаивал З Гомбоц, а намного южнее — на Северном Кавказе или, как считает Ю Немет, на Среднем Кавказе. Однако все по порядку, а к этому вопросу мы еще вернемся.

В эпоху великого переселения народов, в первые века нашей эры, на юге Восточной Европы вместе с гуннами появились племенные группы, известные в литературе под именем болгар или булгар. Со временем в районе северо-восточного Причерноморья и Приазовья возникло племенное объединение, известное в литературе как Великая (читай Большая) Булгария, создание которой источники связывают с именем Кубрата—основателя династии Дюлю.

После смерти Кубрата болгарская федерация распалась. Впоследствии, разгромленные более могущественными соседями — хазарами и др., болгары частью ушли на запад, частью подчинились завоевателям. Булгары, которые занимали восточную окраину Булгарии, как полагают, где-то в VII—VIII вв. н. э. отошли на север в Среднее Поволжье. Со временем они здесь вместе с местным финно-угорским населением (имеются в виду предки марийцев, удмуртов, коми-пермяков и др.) создают свое государство, известное в научной литературе уже как Волжская Булгария.

Волжская Булгария была одним из крупных государственных объединений Восточной Европы, где процветали города, ремесла, торговля, сельское хозяйство и просвещение. Она имела оживленные торговые и дипломатические связи со многими странами Востока и Запада. Булгары особенно славились обработкой шкур и сапожным делом. Выделанные ими кожи вывозились во многие страны, отсюда, между прочим, в ряде языков Евразии, в том числе и в дагестанских, стал известен особый сорт кожи *булгар* (см. лакск., дарг., андийск. *булгъар* «красная кожа, сыромятина»).

Булгарское государство сыграло большую роль в консолидации различных племен, и корни этногенеза ряда народов Поволжья, прежде всего современных чувашей и татар, уходят к эпохе формирования и расцвета этого государства.

Как полагают, собственно чувашский этнос сформировался в X—XV вв. в результате ассимиляции булгарами местного финно-угорского, и прежде всего марийского, населения. Этот процесс начался в недрах Булгарского государства, в районах, охватывающих современную Ульяновскую область и южную часть Чувашской АССР, а также левобережье Волги. Окончательное формирование современной чувашской народности происходило уже на нынешней территории республики.

В литературе употребляют оба варианта. В дальнейшем для удобства мы будем употреблять «булгары», а в ссылках — так как у автора.

Споры о происхождении чувашского народа и его языка продолжались долго. Это было вызвано тем, что первоначально ничего конкретного не было известно ни об этнической, ни о языковой принадлежности булгар вообще, и волжских булгар в частности.

Высказывались различные мнения, порою взаимоисключающие. Ряд ученых выдвинули гипотезу о тюрко-татарском происхождении булгар, другие исследователи—теорию финно-угорского или урало-чудского происхождения, третьи — славянской принадлежности, четвертые — смешанного происхождения.

Впервые о булгарском происхождении чувашей высказался в XVIII в. В. Н. Татищев, имевший, как можно предположить, в своем распоряжении не дошедшие до нас исторические источники.

Поворотным моментом в длительной дискуссии о языковой принадлежности волжских булгар и происхождении чувашей стало открытие татарского мумлы Х Фейзханова В 1863 г он прочел на надгробных камнях (XIII—XIV вв.), оставшихся на территории Волжской Булгарии, тюркские слова. Эти слова по своей фонетической оболочке отличались от соответствующих во всех других тюркских языках, но совпадали с чувашскими словами. Таким образом, впервые ученый мир узнал о существовании еще одного, но своеобразного тюркского языка. Через некоторое время академик А Куник подтвердил булгарское происхождение чувашей уже на основании другого документа — «Именника болгарских царей». Впоследствии булгарское происхождение чувашей на основании многих косвенных данных подтвердили и другие исследователи, в том числе венгерские и финские. Чувашский ученый Н. И. Ашмарин, составитель многотомного словаря чувашского языка, на основе анализа большого лингвистического и исторического материала обосновал теорию булгарского происхождения чувашей. В настоящее время вопрос о булгарском происхождении чувашского языка не дискутируется, более того, некоторые советские и зарубежные исследователи современный чувашский язык считают непосредственным продолжением булгарского языка и, подразумевая «булгарский язык», употребляют термин «древнечувашский язык».

Таким образом, выясняется, что булгарская линия является именно той линией в истории чувашского народа и его языка, которая могла соприкоснуться с одной из линий истории лакцев и других народов Дагестана. А какого характера и какой глубины след она оставила в истории народов Дагестана, мы только начинаем устанавливать. Данная работа—лишь начало на этом многотрудном пути поисков. Но до этого нам предстоит доказать

БЫЛИ ЛИ БУЛГАРЫ В ДАГЕСТАНЕ

История не оставила нам конкретных свидетельств присутствия булгар в Дагестане, если, конечно, не считать возможные показания археологии¹, о которых мы еще скажем ниже. В этой связи единственное, на что можно было бы обратить внимание, это сообщение сирийского хрониста VI в н. э. Захария Ритора (Захария Митиленского) о том, что за «Каспийскими воротами (живут) бургары со (своим) языком, народ языческий и варварский»². Ориентировка за «Каспийскими воротами» (если, конечно, «Каспийские ворота»—это то же, что и «Дербентские», а не «Дарьяльские») дает право читателю разместить этих *бургар* в любом месте приморского Дагестана, даже на несколько километров севернее современного Дербента. Но с таким же успехом их можно разместить и в степях Северного Кавказа

Если сирийский источник дает повод для разночтения, то все другие источники, написанные в эту же эпоху и несколько позднее, размещают булгар именно в районе северного Причерноморья, Приазовья. В частности, готский историк Иордан подчеркивает, что «над Понтийским (Черным. — Н. Д.) морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья (совершившиеся) по грехам нашим»³.

В поисках интересующих нас булгар мы не можем положиться на сообщение сирийского источника еще и потому, что он ставит перед нами другой, но уже неразрешимый вопрос. Мы не знаем, какой народ подразумевает Захарий Ритор под *булгарами*: в одной строке «бургары»—«народ языческий, варварский, но имеющий свои города», а вслед за этим у него же бургары отмечаются в числе 13 народов, которые «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»⁴.

Понятно, когда речь идет о выявлении в раннесредневековом Дагестане булгар—народа с конкретным этническим лицом и языком, мы не можем принимать желаемое за действительность и ориентироваться на эти туманные и неопределенные сообщения.

Но на этом нельзя поставить точку, так как имеются другие «косвенные» возможности доказать присутствие интересующих нас булгар в Дагестане.

В самом деле: ближайшее родство хазар, савир и т. п. племен с булгарами сегодня, кажется, ни у кого не вызывает сомнения, более того, все они, как это принято считать, по сути были булгарами⁵. В этот же круг обычно включают и гуннов, во всяком случае, часть их. Подразумевается также близкое родство булгарского и хазарского языков. В учебных пособиях эти мертвые языки вместе с современным чувашским языком включены в одну

булгарскую группу близкородственных языков⁶. В специальной литературе в этой же группе (как болгарский) рассматривают и язык гуннов⁷. Вместе с тем присутствие в раннесредневековом Дагестане гуннов, савир, хазар очевидно и не подлежит сомнению. Об этом рассказывают не только специальные научные исследования, но и академические труды, в частности коллективная монография «История Дагестана»⁸.

Таким образом, хоть и косвенно, мы ответили на поставленный вопрос и показали, что в раннесредневековом Дагестане были булгары, во всяком случае очень близкие им по происхождению и по языку племена. На этом, пожалуй, можно было бы поставить точку, если бы не одно обстоятельство.

Разумеется, я не собираюсь оспаривать или подвергать сомнению присутствие в Дагестане гуннов, савир, хазар как таковых. Но остается и сегодня неизвестным главное для нашего сюжета: кто они все же, эти дагестанские гунны, савиры, хазары по своему этническому происхождению и на каком языке разговаривали, в какой степени близки они по своему происхождению и языку волжским, скажем, истинным и известным, булгарам? (Напомню читателю, что нас интересовали булгары, родственные волжским булгарам — предкам современных чувашей).

Однако остановимся на каждом из этих народов в отдельности.

Г у н н ы

Византийские, армянские, грузинские и другие источники позволяют довольно уверенно говорить о присутствии на территории современного Дагестана группы населения под именем *гунны*.

Предки дагестанцев непосредственно могли столкнуться с гуннами еще в конце IV века, когда многочисленная гуннская орда вместе с другими племенами проходила по Каспийской низменности в Закавказье и Переднюю Азию. Впоследствии гунны заняли весь приморский район Дагестана вплоть до Дербента. Здесь образовалось государство, известное современникам как «Царство гуннов» со столицей Варачан, которая, по недостаточному обоснованному мнению некоторых исследователей, находилась на месте соврем. Урцеки (Ленинский район ДАССР).

«Царство гуннов» хотя формально и находилось в вассальной зависимости от своего северного соседа Хазарского каганата, вело самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику и поддерживало активные военно-политические, дипломатические контакты с соседними странами. Оно представляло для соседей военную угрозу, с которой нельзя было не считаться. Поэтому дружбы и

сближения с дагестанскими гуннами искали соседние государства. Именно по этим соображениям албанцы, да и армяне приложили немало усилий для распространения христианства среди гуннов-язычников, чтобы тем самым сделать их своими единоверцами. Но если при этом албанцы и армяне руководствовались своими соображениями, то и гуннский царь Алпилитвер не мог не видеть выгоду от распространения монотеистической религии среди своих подданных — идолопоклонников. Поэтому он не только первым принял христианство и заставил креститься весь свой двор, но и развил бурную деятельность по дальнейшему распространению и углублению процесса христианизации края.

Эпизод крещения гуннов, сам по себе очень важный, интересен и по другой причине. Рассказывая о деятельности албанского миссионера Исраэля в Гуннии, албанский историк Моисей Каганкатвази в своей «Истории албан» сообщает уникальные и весьма ценные для нас сегодня сведения о столице Варачане, о населении страны, его обычаях, религиозных представлениях.

Если исключить эпизоды, факты, связанные с военно-политическими взаимоотношениями Гуннии с соседними государствами, отдельные сюжеты о дворцовой жизни и династических браках и т. п. сообщения, конкретно о жизни и истории населения мы знаем очень мало.

Археологические раскопки, проведенные на местах предполагаемого обитания гуннов, показывают, что здесь бок о бок жили кочевники и коренное дагестанское население. Правда, на равнине преобладает элемент кочевнического быта, тогда как ближе к предгорьям — местный элемент. Судя по материалу, гунны имели довольно тесные связи с горной, включая и высокогорье, частью Дагестана. Археологи считают, что процесс приспособления пришлого гуннского населения к местной жизни в основном завершился его растворением в местной этнокультурной среде⁹.

Исследователи, так или иначе интересующиеся историей пребывания гуннов в Дагестане, склонны видеть непосредственную память о самих гуннах в названии одного из девяти кварталов (джамаатов) Кумуха — *Гьуннал ал*, букв. «Гуннское племя», в названиях старинных табахлинских и кумухских духумов. *Гьуннахъул* «Гуннаевы», букв. «Гунны, принадлежащие к гуннам»; *Цургьуннахъул* «Цургуннаевы», букв. *цур* может быть лакск. «новые, вторичные» + «гунны», «принадлежащие к гуннам». *Бугьуннахъул* «Бугуннаевы», букв. *бу* — неизвестно + «гунны», «принадлежащие к гуннам». На эти интересные сами по себе факты обращал внимание в своих комментариях к «Тарихи Дербенд-наме» М. Алиханов-Аварский.

Память о гуннах, но в более разнообразных формах, по мнению многих ученых, сохранилась и в Табасаране

Южные табасаранцы и сегодня верхних (северных) табасаранцев называют *«гъуннар»*, *«гъунна жви»* и т.п. Легенды о «гуннах» в прошлом широко бытовали среди табасаранцев. Например, в табасаранской легенде о Базузейхане гунны напали на местного правителя Базузейхана и разграбили его имущество¹⁰. В свое время П. К. Усларом была записана легенда, которая «отражает интересный, но неясной давности» возникновение этап развития легенды и контаминации ее с циклом этнонимических преданий о народности *гъуннар*, быть может, частично книжного происхождения¹¹. Приведем ее содержание полностью.

Недалеко от границы Табасарана с Джувквуйке (Кайтагом) в долине Рубасдинир (р. Рубас), вблизи аула Улудз, находится опустевшее ныне место с кладбищами и развалинами аулов. Это место называется *гъунна*. Здесь некогда жило богатое и могучее семейство, которому была доверена охрана знаменитой табасаранской святыни — меча Абу Муслима. Меч до сих пор хранится вблизи Чвудара, на урочище *Турил йишв* («место меча»). Последними представителями фамилии, в продолжение многих веков охранявшей священный меч, были семь братьев и сестра. Братья переселились из Улудзов в Хучна (Хучни) и брали большие поборы с проезжающих. Боясь открыто напасть на братьев, жители с помощью влюбленной в сына старшины Ругуджа сестры (она испортила соленой водой ружейные стволы братьев) убили шестерых братьев. Седьмой, тяжелораненый, был огнесен в Ругудж. Жители пяти селении по призыву умирающего убили предательницу в Кызкале (Девичьей башне) и получили по завещанию богатые дары, которые в народе известны по имени завещателя: *гъуннарин хутил* («пашня гуннов») — с Ханагь, *гъуннари рав гъавр* («мельница гуннов») — с Тивак (Дюбек), *гъуннарин кур'ан* («коран гуннов») — с Хили (Хиликент), *гъуннарин лутил* («пашня гуннов») — с Ургъуьлигъ, *гъуннарин йагъаг* («котел гуннов») — с Ляхла¹².

В этих лакских, табасаранских названиях регулярно повторяется одна и та же основа *гъун*, что само по себе не может не вызывать интереса. Но несмотря на всю их кажущуюся красноречивость, особенно лакского *гъуннал ал* и табасаранского *гъунна*, *гъунна жви*, мы все же не можем следовать за нашими предшественниками и безоговорочно разделять их оптимизм. Вся загвоздка в том, что мы не знаем, как звучало имя гуннов вообще, в том числе и *дагестанских гуннов*. В греческих источниках оно звучит как *гъун* (hup) или *ун* (un). По мнению Клапрога, название *гун* (hup) восходит к древнеугорскому слову «человек», ср. в вогулском *гъоум* (hoim), *лоум* (koim) «человек».

Вот, пожалуй, примерно все что известно о дагестанских гуннах

Если действительно в Дагестане были гунны то кто же они как этнос, на каком языке говорили?

Только одно название *гунны*, если даже оно действительно сохранилось в Кумухе, Табасаране (а быть может, еще где-нибудь), не может решительно ничего сообщить о его носителях в интересующем нас аспекте. Почему?

Мы не должны забывать о том, что термин *гунны* — чрезвычайно обобщающее название, которое средневековые источники «прикрепляли» к кому угодно и к тем кто входил в гуннскую орду и к тем, кто когда либо соприкасался с гуннами, и к тем, кто обитал там где когда то были гунны и к тем «северным людям», чье название не было известно. Поэтому «говорить о расе *гуннов*, прибывших в Европу в IV в, не приходится. Это была смесь народов, этнический конгломерат»¹³

Кем же были дагестанские гунны каково их этническое лицо? Одно из угорских племен, которые вместе с *гуннами* вышли из Западной Сибири и рассеялись по всей Восточной Европе? Или же аланы (предки современных осетин), которых гунны, придя в Северное Предкавказье разгромили и потом увлекли за собой в Западную Европу? Почему бы было не прийти аланам и в Дагестан? Во первых, это близко и привычно для них и кроме того, через Дагестан проходила одна из известных трасс *гуннских* миграций

Может быть, все же под именем гунны скрываются древние авары? Ведь в византийских источниках гунны — то же, что и авары. Например, Феофилакт Симокатта включает *авар* в состав *гуннов*, считая их по происхождению гуннами. А в другом источнике, в рассказе о переговорах византийцев с аварским ханом, сказано «переводчик с гуннского». Еще в другом сообщении прямо сказано «гунны, которых называют аварами»^{*}

В связи с поставленным вопросом можно отметить лишь следующее

Тот же Моисей Каганкатвацци рассказывая о дагестанских гуннах, оставил нам несколько гуннских терминов и личных имен в том числе название идола божества *тенгрихан* — чудовищный, громадный герой, которому гунны приносили в жертву жареных

---

* Между прочим Клапрот для которого гунны то же что и авары считал что официальное название одной из народностей Дагестана аварцев (*авар-цы*) является памятью от средневековых аваров которые после разрушения своего царства удалились на Кавказ основали новое государство и смешались с местным населением сохранив лишь некоторые свои имена и слова. Клапрот современно аварское *ор* (*hor*) «лужа озеро» сблизил с гуннским названием Днепра *Вар*—букв «река» что между прочим не лишено основания

лошадей» (ср. древнетюрк. *тангри* «небо», «божество», «бог» и в других тюркск. языках в этом же значении), *очи* — имя знатного вельможи, *тархан* — титул, высокопоставленное лицо (ср. древнетюрк. *тархан* в этом же или близком к нему значении), по которым можно заключить, что: а) в среде правящей верхушки дагестанских гуннов были распространены тюркские имена собственные, титулы и названия должностей; б) гунны почитали тюркское верховное божество Тенгри. Исходя из этого, можно сделать вывод, что правящая верхушка гуннов была тюркизированной или тюркоязычной (но с надеждой, что это предположение в дальнейшем найдет дополнительное подтверждение, т. к. такие атрибуты, как имена собственные, названия должностей, как мы ниже постараемся показать, далеко не достаточны, чтобы безоговорочно судить об этнической и языковой принадлежности их носителей).

Наш вывод относительно дагестанских гуннов удивительно точно перекликается с известными в науке суждениями по поводу этноязыковой принадлежности других — «европейских гуннов». Многие из гуннских имен, и прежде всего имена самого Аттилы и его сыновей, сохранившиеся в греческих и латинских источниках, как это доказали еще в прошлом веке венгерский ученый А. Вамбери и др., являются по происхождению тюркскими. *Аттила* созвучно тюркскому слову *адил*, *атил*, *атал*, *идил* — «река, большая река», ср. чуваш. *атыл*, *атал* — «река, Кама, Волга», *дангизих* созвучно с тюркским *дангиз* «море», *эллак*, *ирнак* тюрк. «молодой человек». Исследователи обратили внимание и на то, что ряд гуннских имен, которые в латинской или греческой транскрипции имеют окончания *-ган* или *-кан*, восходящие к тюркскому слову *хан* «хан», имеют тюркское происхождение, например, *Забарган*, т. е. *Забар хан* и т. д.

Но, кроме личных имен и титулов, и от европейских гуннов не сохранилось других слов.

С другой стороны, внимание привлекает то, что как гуннские в источниках представлены и славянские, угро-финские слова, это предостерегает нас не быть категоричными относительно этноязыковой принадлежности европейских гуннов. И вполне понятна осторожность проф. Веселовского, когда он говорит, что «только династия у гуннов была турецкого (тюркского — Н. Д.) происхождения».

Если вернуться к основной теме нашего рассказа и поинтересоваться, какое отношение имеют гунны (скажем, правящая их верхушка) к интересующим нас булгарам, можно отметить:

1. Среди европейских гуннов были болгароязычные группы, поскольку сохранившееся гуннское название Днепра — *Ваг* (кста-

ти, единственное слово, которое, безусловно, можно считать булгарским), обладает двумя наиболее типичными именно для болгарского языка особенностями в этом слове на месте начальных гласных *о, у, ов, уь* во всех других тюркских языках стоит комплекс *в+гласный* (т.н. «протеза») и на месте согласного *з* во всех тюркских языках стоит *р* (т.н. «ротацизм»), ср. кирг. *обз-аьн* «река», башк. *убз-аьн* «русло реки, речка», кумык. *обз-ен* «река» и т.д., а между тем в чувашском языке — наследнике болгарского употребляется *вар* в близких к приведенным значениях.

2 Дагестанских гуннов, если судить по сохранившимся у Моисея Каганкатваци словам, невозможно в категорической форме считать именно булгарами, так как среди этих слов нет ни одного, которое бы обладало специфическими болгарскими фонетическими особенностями, как, скажем, «протезой *в*», «ротацизмом». Но с другой стороны, эти сохранившиеся слова по своей фонетической структуре не относятся к тем тюркским единицам, которые в болгарском языке должны были иметь отмеченные выше специфические особенности. Но это конечно же, не значит, что в языке наших гуннов, о которых сообщает Моисей Каганкатваци, не могли бы быть слова с болгарскими фонетическими особенностями, мы можем сказать так албанскому автору по содержанию рассказа о гуннах такие слова не понадобились. Поэтому вопрос «являются ли дагестанские гунны булгарами?» нужно оставить пока открытым, но в пользу мнения о том, что в их составе было этнически близкое к булгарам население.

Савиры

Они же — *савары, сабиры, сувары* вышли из Западной Сибири в составе гуннов. Впоследствии заняли обширную территорию вдоль западного побережья Каспийского моря вплоть до Дербента. Много савир переселилось и в Закавказье.

По всему Кавказу и Передней Азии они были известны как искусные воины. Мастерство савир в сооружении осадных орудий оригинальной конструкции поражало выдавших виды греков и персов. Набеги и войны были основным занятием савир, их услугами нередко пользовались в Иране и Византии (военное отходничество), и, как считается, значительная часть мужского населения савир погибла на чужбине.

Об этническом происхождении савир ничего не известно, так как их язык не сохранился. Полагают, что они — отюреченно

(обулгарившееся) финно-угорское племя* Во всяком случае, они долго находились, что важно отметить, во главе булгаро-хазарского союза, впоследствии сами оказались в составе хазар, поэтому в источниках, говоря «савиры», подразумевали и «хазар», и наоборот

Историки VI в Прокопий Кесарийский, Агафий и другие средневековые авторы живших на Северном Кавказе гуннов называют савирами¹⁴, а армянские и византийские источники северокавказских савир — гуннами Поэтому не случайно дагестанское «Царство гуннов» исследователи называют «савирским» Наши замечания, сделанные относительно языковой принадлежности дагестанских гуннов, в равной мере нужно отнести и к дагестанским савирам Хотя об этнической и языковой принадлежности савир ничего определенного и не известно, но, судя по данным источников, и не без основания, савир принято относить к болгарскому племени¹⁵

Хазары

Хазары как самостоятельная племенная единица впервые появляются в составе Западнотюркского каганата Ученые полагают, что хазары могли выйти в Европу в составе гуннской орды в эпоху великого переселения народов Одним из первых источников, в котором хазары фигурируют под своим именем, является упомянутая выше сирийская хроника, в которой Захарий Ритор в числе тринадцати народов, обитавших «выше за Каспийскими воротами», вместе с булгарами называет и хазар (*хазир*)**

После распада империи тюркютов хазары, подчиняя и поглощая слабых соседей, и в первую очередь савир, булгар, вышли на историческую арену Возникнув в середине VII в н э, Хазарский каганат в IX в, как считают многие исследователи, занимал весь юг европейской части нашей страны

---

* Правда, есть основание предположить что савиры во всяком случае те, которые под натиском авар вышли из Западной Сибири, были угорами Среди тобольских татар было распространено предание что до них территорию по Среднему и Нижнему Иртышу занимал народ **савыр** или **сибир** А слово **сипир** является синонимом этнического имени манси вогул Судя по этому в древности савирами или сабирами называлось угорское население Западной Сибири, само название которой восходит к их имени (Артамонов М И История хазар, с 66)

** Нужно сказать, что в армянской и арабской литературе о хазарах имеются «совершенно фантастические» сведения в частности, указание на хазар в связи с завоеваниями Александра Македонского и другими событиями древней истории (М И Артамонов История хазар, с 116), хотя наиболее ранние достоверные сведения о хазарах не уходят глубже VI в н э

Относительно границ каганата среди специалистов и сегодня идут споры, но достоверно известно, что среднее Поволжье — на севере, приморский Дагестан — на юге находились в сфере военно-политических интересов империи хазар.

Читателю небезынтересно узнать, что существует довольно устойчивое мнение о том, что местом первоначальной консолидации и возвышения хазар является Северный Дагестан, точнее Терско-Сулакское междуречье¹⁶. Однако эта сама по себе интересная мысль все же нуждается в детальной аргументации.

Дело в том, что сторонники этого тезиса вольно или невольно исходят из утверждений Феофана, написавшего в своей «Хронографии»: «Хазары—великий народ, вышедший из Барсили, самой дальней страны Первой Сарматии», и Никифора, высказывавшего в «Бревиарии» мысль, что хазары—это племя, «живущее внутри области, именуемой Барсилиа... по соседству с Сарматией».

Но то, что Барсилиа находилась в Сулакско-Терском междуречье, ничем не подтверждается. Высказанное Доссоном и активно поддержанное дагестанским ученым С. Ш. Гаджиевой мнение о топонимической связи названия страны Барсилиа (арабск. Ал-Баршалия) с названием южного кумыкского селения Башли¹⁷ (Каякентский район ДАССР) все же нуждается в историко-этимологической интерпретации. Тем более, другие исследователи Барсилию помещают, и, как мне кажется, довольно аргументированно, в районе Азово-Каспийского междуморья¹⁸. Правда, в последнее время дагестанскими археологами раскопаны в районе Терско-Сулакского междуречья ранее неизвестные научному миру остатки крупных городищ, крепостей и других поселений. Судя по времени сооружения, особенностям подъемного материала и др., они признаны *хазарскими*¹⁹. Значение этих уникальных раскопок трудно переоценить, они ознаменовали собой новую веху в дагестанской археологии и значительно расширили горизонты вообще «степной» археологии. Но все же возникает вопрос, кто они, предполагаемые жители этих городов и крепостей, в этноязыковом отношении? Действительно ли они по языку и этносу хазары или только лишь носители хазарской культуры?

Определяя этническую, и тем более языковую принадлежность населения этих городищ и крепостей, мы, к сожалению, не можем разделить оптимизм и категоричность наших коллег археологов. Этническая и языковая принадлежность этих хазар нуждается в специальной аргументации*.

---

* Археология как отрасль науки располагает подлинно научной методикой и богатейшим арсеналом исследовательских приемов. Археологический материал может сообщить, казалось бы, обо всем, особенно когда он в руках опытного

Долгое время хазары вместе с дагестанцами небезуспешно воевали с арабами, и по сути дела они и остановили продвижение арабов на север. Если бы хазары не остановили мощную волну арабо-мусульманской экспансии, история Восточной Европы, как замечает М. И. Артаманов, сложилась бы совсем иначе.

Истощенный длительными войнами с арабами и гражданской войной, паразитической деятельностью правящей верхушки и торговой знати, Хазарский каганат после разгромных ударов Святослава (965 г.) окончательно пал. Исчезло государство хазар, исчезли и они сами как этнос.

Как полагают, остатки хазар держались еще кое-где в Прикаспийских степях, пока не растворились в других родственных и неродственных племенах. О хазарах еще в конце XI в. слышно в Тмутаракани, где они составляли значительную часть торгового люда. В различных итальянских документах Крым долго еще упоминается как Хазария. Но об этой и других подробностях стало известно гораздо позже.

До XVII в. о хазарах никто и не вспоминал. Только лишь в 1660 году, после опубликования Буксфортом еврейско-хазарской переписки*, возник вопрос о существовании хазар. Хазары как историческая реальность были признаны лишь позднее, к концу XVII в. Тогда же немецкий ученый Байер, работавший по приглашению Российской Академии наук, познакомил ученый мир со

специалиста. Однако, если речь идет об определении этноса и тем более языка носителей этой реальной и оригинальной культуры, красноречивая во многом археология оказывается в тупике. Именно поэтому и не от легкой жизни, в археологической науке, когда нет дополнительных (косвенных) свидетельств об этнической и языковой принадлежности носителей данной культуры, население принято делить по принципу *культурной принадлежности*, т. е. носители *такой-то культуры* (по названию места раскопок, по характерной особенности керамики и т. п.). Подобный осторожный подход к реальным возможностям и функциям не принижает ни значение конкретных раскопок, ни научный авторитет вообще археологии как важнейшего отрасли исторической науки.

* Речь идет о важнейших источниках по истории хазар — двух письмах еврейско-хазарского происхождения. Одно из них, как полагают, было написано около середины X в. (между 954 и 961 гг.) по поручению хазарского царя Иосифа на запрос испанского сановника еврея Хасдая ибн Шафрута. Испанский еврей просил хазарского царя сообщить ему сведения о Хазарском царстве, о том, как попали туда евреи и каким образом произошло обращение хазар в иудейскую религию. Ответное письмо хазарского царя сохранилось в двух редакциях — краткой и пространной.

Другое письмо — также ответ на запрос Хасдая ибн Шафрута, написано несколько раньше, чем письмо Иосифа и не официальным лицом, а хазарским евреем проживавшим в Константинополе. Специальный посол, направленный испанским сановником к хазарам, добрался только до Константинополя и был вынужден довольствоваться изложенными в этом письме частными сведениями по интересующим Хасдая ибн Шафрута вопросам. Обменяться письмами с самим хазарским царем испанскому сановнику удалось другим путем, через Европу (подробно об этом см. Артаманов М. И. История хазар С. 8-9).

знаменитым «Дербен-наме» Впоследствии проблематика хазар прочно вошла в научно-исследовательскую практику ученых разных стран.

Венцом хазарологии явилась «История хазар» М. И. Артамонова, которую можно без преувеличения считать хазарской энциклопедией — итог 25-летней напряженной исследовательской работы ученого, обобщившей опыт по хазарологии всех исследователей.

Казалось бы, о хазарах известно все. Но тем не менее и сам М. И. Артамонов среди нескольких важных вопросов по истории хазар, особенно часто привлекавших внимание ученых, называет вопрос об их этнической принадлежности и языке. Замечание крупнейшего хазаролога и сегодня звучит актуально, так как после 1962 г. (год выхода «Истории хазар») к тому, что было известно об этнической истории хазар и хазарском языке, насколько можно судить, ничего существенно нового не прибавилось.

Дело в том, что хазары, как и гунны, савиры, ранние (северокавказские, северочерноморские) болгары и другие народы «гуннского круга», как иногда в литературе принято обобщать, не оставили письменных памятников и их язык не сохранился. Поэтому вопрос об этнической принадлежности хазар, равно и вопрос о хазарском языке, всегда решался только по источникам разноречивым, а порою и взаимоисключающим.

В научном мире долго держалось мнение об угорском происхождении хазар. Оно поддерживалось именами таких авторитетных ученых, как Френ, Клапрот, Вивьен де Сен Мартен, О'Оссон и др.

В 1876 г. на III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге Генри Говорс на основании анализа некоторых хазарских сюжетов доказал, что господствующие над местными угорскими племенами хазары были тюрками. Продолжительный спор о хазарах в пользу их тюркской принадлежности, по мнению Н. А. Баскакова, закончился лишь в 1947 г., когда польский ученый А. Зайончковский опубликовал свою работу, посвященную языку хазар.

Результаты многолетних поисков следов хазарского языка подытожены в работе известного тюрколога Н. А. Баскакова «Введение в изучение тюркских языков»²⁰. В ней хазарский язык выделен как самостоятельный тюркский язык, и, насколько позволял имеющийся материал, установлено его место в кругу близкородственных языков. Он вместе с болгарским и современным чувашским составляет болгарскую группу тюркских языков; более того, определены два его диалекта. Казалось бы, вопрос о хазарском языке ясен и нет необходимости в дальнейшем обсуждении его реальности.

Это обстоятельство, наверное, и вынуждает известного исследователя истории тюркских языков А. М. Щербака заключить «Четкого представления об особенностях языка хазар, хазарских печенегов мы не имеем»²³

Отсутствие конкретных (безоговорочных) сведений о языке хазар дает исследователям повод, и не без основания, и сегодня сомневаться в реальности существования самостоятельного хазарского языка и высказывать различные мнения, порою отрицающие даже тюркоязычность хазар. Например, исследователь этнической истории ранних тюрков А. В. Гадло высказал мнение о том, что «он либо, подобно болгарскому, представлял древнейший тюркский язык, отличный от языка тюрков VI—VII вв., либо являлся языком не тюркским, а, скорее всего, угорским, принесенным переселенческими волнами, передвигавшимися в Предкавказье из Южной Сибири»²⁴. Кстати, в этом мнении, нужно заметить, А. В. Гадло не одинок. Исследователь тюркских языков И. Бенциг вообще не выделяет хазарский язык как таковой. Он выделяет как языки болгарской группы только чувашский и более древний по отношению к нему язык волжских болгар²⁵.

Хазарский язык выделен как самостоятельная единица пока что условно, поскольку в ряде средневековых источников фигурирует имя *хазар* как обозначение отдельной этнической единицы и отмечается отдельный язык хазар. Например, упомянутый выше арабский писатель X в. Ибн-Хаукаль среди населения Хазарского каганата и столицы Итиль выделяет собственно хазар и хазарский язык — «язык чистых хазар»²⁶.

Имеющиеся на сегодняшний день данные по хазарскому языку также не позволяют с уверенностью говорить об особой его близости к болгарскому языку и об отнесении к болгарской группе близкородственных языков. Отнесение хазарского языка к болгарской группе (точно так же, как и выделение его в качестве самостоятельного языка в этой группе) является условным, поскольку некоторые средневековые источники отмечают близость языка хазар к языку болгар. Однако и при этом нельзя не обратить внимания на свидетельства совершенно иного порядка. Ал-Истахри подчеркивал, что язык хазар «не сходен с языком турок и персов, и вообще не похож на язык ни одного (подчеркнуто мною.—Н. Д.) из народов нам известных»²⁷, Ибн-Хаукаль, повторяя ал-Истахри, писал, что «язык чистых хазар не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из известных народов»²⁸.

Теперь обратимся непосредственно к дагестанским хазарам. Проникновению хазар в Дагестан в немалой степени должно было способствовать то обстоятельство, что «Царство гуннов» (савир) находилось в определенной политической зависимости от

Хазарского каганата. Вместе с тем имеется ряд сообщений средневековых авторов, свидетельствующих о довольно тесных взаимоотношениях Гуннии с каганатом.

Кроме того, продолжительные антиарабские войны, которые хазары и дагестанцы вели совместно, с одной стороны, не могли не сделать хазар популярными среди местного населения и, с другой, надо думать, вынуждали часть хазар уходить в более безопасные горные места, в том числе Дагестан.

Нашествия и последующие проникновения хазар в Закавказье, и в первую очередь в Кавказскую Албанию, происходили в основном через дагестанскую территорию. В течение одного столетия хазарами было совершено в Албанию более десяти крупных нашествий²⁹, и каждый раз хазарское войско составляло десятки тысяч человек. На территории Албании со временем образовалось несколько больших регионов с хазарским населением. Северный Азербайджан этого периода в некоторых источниках фигурирует уже как «страна хазар»³⁰. Все это, конечно же, не могло не отразиться определенным образом на этнической структуре Дагестана, по крайней мере его равнинной и предгорной частей.

Если отвлечься от современной политико-административной границы между Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР и вспомнить, что граница дагестаноязычной территории в средние века проходила намного южнее, чем сегодня, и если еще учесть, что средневековые источники, говоря о Северном Азербайджане или Кавказской Албании, «захватывали» зачастую и современный Южный Дагестан, можно воссоздать довольно определенную картину присутствия хазар в Дагестане, в смысле дагестанско-хазарских этноязыковых взаимоотношений.

Некоторые отрывочные сведения позволяют говорить и о возможности отдельных инфильтраций хазарского населения во внутренний Дагестан. В этом смысле чрезвычайно любопытно сообщение местной хроники «Ахты-наме» о том, что хазары, будучи в Ширване, поселили своего военачальника Самсама в селении Микрах у реки Самур. Отсюда хазары двинулись в глубь гор и дошли до Ахты. Осада аула продолжалась десять лет. Здесь хазары потерпели поражение от объединенных сил эмиров Тарсы, Рутула, Джыниха и Руфука³¹.

Другая дагестанская хроника «История Абуमुслима» сообщает, что дербентский правитель послал на помощь воюющим горцам своего военачальника Сайф ад-Дина. Независимо от степени точности в деталях, эти сведения перекликаются с сообщением арабского автора Базаури о поселении арабским полководцем Мерваном части побежденных им хазар между Самуром и Шабраном, на равнине в области Лакз³².

В связи со сказанным выше, нельзя оставить без внимания

лакское предание о хазарском поселении недалеко от Кумуха (Лакский район ДАССР) Хазары обычно готовили пищу на кострах Однажды огонь от костров случайно перекинулся на окружающий кустарник, и от пожара погибли поселение и окружающая роща Хазарам пришлось покинуть эту местность³³ Сейчас она называется «Иялларавалу», букв с лакск «место, где развалины», хотя здесь нет и следов развалин В некоторых лакских аулах употребляют образное выражение «хазарнал ххазина ччай бурив?», букв «хазарскую казну хочешь?», соотв «тебе ничем не угодишь»*.

О возможном пребывании хазар в горах свидетельствуют любопытные предания и легенды, записанные М Алихановым Аварским в с. Ирганай Возле своего селения ирганайцы показывали М Алиханову-Аварскому остатки широкой дороги, по которой хазары и их правители кочевали летом на вершину соседней горы Магмиз Они же рассказывали, что некая хазарка по имени Шонтай, исповедовавшая еврейскую религию, перед принятием ислама переселилась на правый берег Койсу и основала здесь аул Аракуни, первоначально названный ею Аржакуни (по аварски—«ларец», «коробка», «ящик»), что вполне соответствует, как на это указывает записавший предание, топографической обстановке местности, запертой со всех сторон высокими скалами По рассказам тех же ирганайцев, арабы застали население Ирхани, Аракуни и еще некоторых ближайших к Койсу аулов исповедующими, как наследие хазар, религию Моисея В подтверждение того, что еврейство было не чуждо этому региону древнего Ихрана, автор записей далее пишет следующее

«Несколько лет тому назад (конец 80-х годов XIX в — Н Д) в Араканах при разрушении одной древней стены под фундаментом ее был раскопан плотно закупоренный глиняный кувшин, в котором оказался сверток грубого, шивного пергамента, покрытого еврейскими письменами Услышав об этой находке, шуринские (речь идет о жителях г Темир Хан-Шуры, совр г Буйнакск — Н Д) евреи явились в Араканы и предлагали за него большие деньги, но их предупредил правитель канцелярии Дагестанского губернатора, кн Накашидзе, взяв этот документ для просмотра Дальнейшая судьба его неизвестна » Кстати, в окрестностях аула араканцы указывали на семь древних «кяфирских» кладбищ, часть которых местным преданием приписывается также последователям учения Моисея³⁴

В связи с этим сюжетом можно было бы привести топоними-

---

* Фольклорист Х М Халилов сообщил нам что ему довелось слышать как мать которая никак не могла успокоить плачущего грудного ребенка в отчаянии говорила «Ну, что мне с тобой делать хазарскую казну может, хочешь?» (Перевод с лакского)

ческие названия, известные в различных местах современного Дагестана, которые так или иначе напоминают слово «хазары». Однако эти топонимы научно не изучены и на основании только их внешнего созвучия с этнонимом «хазар» делать какие-либо далеко идущие выводы невозможно.

Таким образом, в ответ на вопрос «Были ли болгары в Дагестане?» можно сказать следующее.

1 Если судить по имеющимся на сегодня данным, выходит, что собственно болгар, которые говорили на болгарском языке, в Дагестане не было. Но вполне допустимо, что в отдельных средневековых источниках, которыми мы оперируем, они были известны под другим этническим именем, в составе более крупного или более известного современникам государственного или племенного объединения, хотя бы тех же гуннов, хазар, савир.

2 Гунны были в Дагестане, среди них было и тюркоязычное или тюркизированное население. Однако языковая и этническая близость или идентичность дагестанских гуннов искомым болгарам пока что не доказывается.

3 Присутствие хазарского населения в Дагестане очевидно. Но остается неизвестной их языковая принадлежность. Поэтому вопрос об отношении дагестанских хазар к искомым болгарам считается открытым, но это, с другой стороны, не исключает возможности их этноязыковой близости, даже идентичности, тем более когда доказано, что болгары, которые частично ушли на Дунай и на Волгу (речь идет об истинных болгарях — предках чувашей), были подчинены хазарами и включены в их состав еще до появления последних в пределах Дагестана.

КАК РАССТАВИТЬ ТОЧКИ НАД i

Таким образом, если мы хотим найти болгар в Дагестане, необходимо прежде всего: установить этническую принадлежность предполагаемых ближайших родственников болгар в Дагестане — хазар, гуннов, савир и им подобных; выявить, кто «скрывается» под этими этническими названиями, были ли они разными народами или составляли общую группу населения, но с разными названиями, и в самом ли деле, как принято думать, являлись племенами болгарского типа? Но это нелегко сделать, так как в данном случае мы сталкиваемся с объективными трудностями.

Как известно, и в чем мы частично могли убедиться из предыдущего изложения, одно и то же название могут носить две и более различные группы населения и, наоборот, один и тот же этнос мог попасть в историю под различными названиями.

Формы захоронения, предметы домашнего обихода, орудия,

инструменты, военное снаряжение, словом, все, что относится к материальной культуре, о которой мы знаем по археологическим раскопкам, и является частью культуры народа, не может безоговорочно и самостоятельно определить этническое лицо населения. Строительная техника у разных народов может быть одинаковой или очень схожей и, наоборот, у одного и того же народа могут быть различные способы строительства домов и др. сооружений. Выбор камня, обожженного или сырцового кирпича и т. д. определяется, как нетрудно догадаться, не этноязыковыми особенностями тех, кто строил эти жилища, а более прозаическими обстоятельствами и соображениями—тем, что под рукой на данной местности, а также уровнем строительной техники.

Конечно, археологический материал в известных случаях и с известными оговорками может вставить и свое веское слово при определении этнической принадлежности. Но мы не должны забывать и специфику интересующей нас эпохи, когда, с одной стороны, одно племенное название перекрывало несколько племен огромного региона и, с другой стороны, на всей обширной территории предметы материальной культуры оказывались идентичными.

С одной стороны, «этническое имя болгар (в районе, прилегающем к Азовскому и Черному морям.—Н. Д.) получило широкое распространение и перекрывало почти все остальные племена, ранее входившие в состав Великой Болгарии, и под именем болгар выступают группы населения самого различного происхождения. Но, с другой стороны, в культурном отношении племена бывшего болгарского союза были чрезвычайно близки, так великовке их культуры содействовали и длительное сосуществование на одних территориях, и однообразие их жизни и хозяйственной деятельности, и ориентировка на одни и те же ремесленные центры Причерноморья, и торговля с одним и тем же партнером—Византией. И все это затрудняет, а то и просто не позволяет достаточно четко расчленить их этническую принадлежность»¹

Религия, казалось бы, один из наиболее атрибутивных элементов духовной культуры этноса, также мало чем может помочь нам в определении этнической принадлежности хазарского, гуннского, савирского и др. населения Дагестана, т. к. ни для кого не секрет, что одни и те же божества, одни и те же религиозные представления, обряды могут быть у населения совершенно различного происхождения. У народов, говоривших на разных языках, могут быть одни и те же названия божеств или идолов. Еще Раск предупреждал, что «религиозные верования, обычаи, традиции народов, их гражданские институты в древние времена—все то, что знаем о них,—в лучшем случае могут дать лишь намек на родственные отношения и происхождение этих народов». Правда, этот

намак — добавлю от себя — может быть порою и весьма красноречивым и перспективным

Этническая принадлежность раннесредневековых пришельцев в Дагестан, чьи названия перемешались в источниках и работах последующих исследователей, может быть установлена только определением их языковой принадлежности. Язык — наиболее яркий, емкий и долговечный атрибут этноса. Он далеко не всегда меняется со сменой места жительства его посетителей и не зависит от географических условий, он также не меняется со сменой религии и рода занятий или в связи с изменениями в хозяйственном укладе, и вообще со сменой формаций. Ведь недаром и сегодня в речевом обиходе людей понятия «язык» и «народ» («этнос») совпадают.

Язык может послужить основным стержнем, на который можно будет *нанизать* элементы духовной и материальной культуры, и тем самым представить более или менее правдоподобный силуэт искомого этноса, а в дальнейшем, по мере новых находок (которые без такого силуэта все равно «висели бы в воздухе»), создать и более яркий живописный образ давно исчезнувшего народа. Вот тут по-новому предстанут и археологические находки, и сохранившиеся в памяти дагестанских народов легенды и поговорки, порою ничего не значащие слова, отрывочные сведения средневековых источников — все это найдет своего адресата. И не исключено, что удастся нарисовать подлинный (уже не в переносном смысле) портрет того бывшего кочевника, который осел в Дагестане, и осел надолго.

Следует обратить внимание на то, что многие исследователи истории гуннов, хазар, савир, болгар и других народов этого круга так или иначе считали необходимым подтвердить соображения и выводы об их этнической принадлежности именно языковыми данными.

Как отмечалось выше, сама реальность существования хазар как отдельного этноса была признана лишь после установления их языковой принадлежности (хотя вопрос о существовании отдельного хазарского языка, как мы уже говорили, все еще остается открытым, само по себе это характерно). Город Саркел был обследован по всем правилам археологии, источники безоговорочно подтверждали, что этот город построен хазарами, были известны даже мельчайшие подробности истории его возникновения, имена тех, кто был причастен к строительству, были, наконец, обнаружены таблички с какими-то ранее неизвестными науке знаками-письменами. Но город был признан хазарским лишь после того, как установили тюркское происхождение его названия: *Саркел* значит «Белая Вежа» («Белый город»). Само это наименование Саркел, зафиксированное византийцами, осталось бы непонятым

словом, если бы византийский император Константин Багрянородный, ученый-историк, не отметил в своем сочинении точный перевод названия города на греческом языке. Ср. в чувашском: *сары* «белый, желтый», *кел* «вежа, дом». Вообще, в решении вопроса этнического происхождения хазар, как подчеркивает М. И. Артамонов, большую роль сыграло название этого города.

То, что в составе европейских гуннов были и болгароязычные группы, подтверждалось лингвистическими показаниями именами гуннских вождей и сохранившимся в греческой транскрипции гуннским названием реки Днепр.

Вспомним опять-таки волжских болгар. Под рукой у исследователей было большое количество достоверных арабских, греческих, русских и др. источников по болгарам. Многие были известны о хозяйственно-экономической жизни, культуре, религии болгарского населения. Многие документы доказывали, что страна называлась Бугарией, а ее столица—Булгар (*Булгъар*).

В письменных источниках IX—X вв. хотя и отмечался сложный этнический состав населения Бугарии, но тем не менее во всех таких источниках находим указание на то, что здесь представлены болгары. Ибн-Руст отмечает, что болгары делятся на три части: Берсула, Эсегел, Болгар. Худуд-ал-Алам — анонимное сочинение персидского географа — отмечает в Бугарии три группы населения: *бахдула*, *ишкиль* и собственно *булгар*.

Не было секретом, что чуваша занимали известную часть бывшей Волжской Бугарии. Судя по фольклору, преданиям, их можно было считать этническими наследниками болгар.

Но, с другой стороны, много интересного и важного сообщал татарский фольклор. Немало было данных, которые свидетельствовали о том, что татары не только территориально, но и этнически являются наследниками волжских болгар. Ведь казанские татары до недавнего времени сами себя называли болгарями.

Вместе с тем в распоряжении ученых были данные, судя по которым болгар можно было бы считать и славянами, и финно-угорами, и смесью тех и других, а также появившегося здесь в более позднее время тюркоязычного населения.

Поэтому вопрос об этнической принадлежности самих болгар оставался невыясненным и был решен лишь после открытия ученого мурлы Х. Фейзханова, когда он на основе прочитанных им на болгарских надгробиях слов установил, на каком языке говорили собственно болгары, оставившие эти памятники. О том, что болгарский язык оказался ранее неизвестным, особого типа тюркским языком, идентичным живому чувашскому языку, мы уже говорили на предыдущих страницах.

Итак, нужны хоть отрывочные, но конкретные данные по языку дагестанских хазар (или гуннов, савир) Только в этом случае

можно судить о его идентичности во всяко булгарскому и чувашскому языкам и о том, были ли булгары в Дагестане

Каким же образом узнать, на каком языке говорили дагестанские гунны, савиры, хазары? Как установить их этническую и языковую причастность к искомым булгарам? Ждать, пока свершится «чудо» и в Дагестане найдутся какие-либо письменные памятники? Повезло же волжским булгарам и мутле Фейзханову

А пока мы воспользуемся другой, но тоже испытанной возможностью

Если гунны, савиры, хазары (которых мы условно считаем булгароязычными) и не собственно булгары были в Дагестане, то они непременно должны были оставить хоть какие-либо следы своего языка (своих языков) в языках местных народов, с которыми они соприкасались. Такое допущение в научно-исследовательской практике оправдывает себя. Вот несколько примеров, тем более что они имеют самое непосредственное отношение к нашей теме

Из источников достоверно было известно, что какие-то племена гуннского или булгарского круга начиная с V в. и э. проникли в район Дуная, где в наше время представлены венгры и болгары-славяне. Также было известно, что после разгрома Великой Булгарии, спасаясь от окончательного порабощения, большая орда во главе со своим вождем Аспарухом ушла на Запад и обосновалась за Дунаем. Средневековые источники сообщали много интересного для истории подробностей об этих выходцах из Северного Предкавказья и южнорусских степей. Но в источниках не было никаких указаний на два главных момента: на существование собственно булгаро-венгерских контактов и на этническую принадлежность пришельцев с востока. А то, что они вышли из Великой Булгарии, равным счетом ничего не могло значить, особенно для второго момента, так как сама Великая Булгария, как мы не раз подчеркивали, была временным конгломератом различных племен, а имя «булгары» в то время перекрывало этнические группы самого разного происхождения, обитавшие на огромной территории

Венгерские языковеды (И Буденц, А Вамбери, Б Мункачи, З Гомбоц, И Зичи, Я Мелих, Л Лигети, Ю Немет, А Рашоньи, Д Панш, Э Моор и др.) в современном венгерском языке выделили слова, которые, с одной стороны, являются тюркскими, с другой — характеризуются фонетическими особенностями, присущими только языку волжских булгар и современному чувашскому языку. Таким образом было установлено, что среди тех древнетюркских племен, которые осели на территории Венгрии в V—VI вв., и в составе орды Аспаруха были группы, говорившие на языке, идентичном языку волжских булгар и чувашскому языку.

Венгерским языковедам удалось сделать и другое открытие

Опять-таки по выявленным в венгерском языке болгарским словам они достоверно доказали, что по пути следования из Западной Сибири на новую родину предки самих венгров-мадьяр застряли до IX в. на Северном Кавказе и имели здесь тесные и продолжительные контакты с булгарами. (Лингвистические находки венгерских ученых открыли целую полосу в истории венгерского народа, его этногенеза и т. д., на которой нет возможности здесь останавливаться.)

Этническое лицо населения, которое в раннем средневековье смешалось с местным славянским населением и дало название современной славянской стране—Болгария, было установлено по выявленным в современном болгарско-славянском языке болгарским лексическим элементам.

Булгарская принадлежность раннесредневековых тюрков, контактировавших с древнерусским и другим восточно-славянским населением, была установлена по лексическим элементам, сохранившимся в русских и др. летописях, а также в современных восточно-славянских, русском языках. (Из последних работ этого цикла можно было бы отметить докторскую диссертацию И. Г. Добродомова «Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках». Автореферат докт. дисс. М., 1974 и ряд публикаций автора по теме).

О том, что средневековые предки современных угро-финских народов — мари, мордвы, коми, удмуртов контактировали с волжскими булгарами, стало известно также по многочисленным болгарским словам, выявляемым в марийском, мордовском, удмуртском и коми языках (в этом отношении примечательны интересные разыскания чувашских, татарских и др. исследователей, получившие всеобщее признание).

Мы уже отмечали, что в дагестанских языках очень много тюркских слов, заимствованных из азербайджанского, кумыкского языков. Но вместе с тем, как об этом свидетельствует даже беглый обзор, много слов в чувашском языке, которые по своему фонетическому облику похожи на азербайджанские, кумыкские слова, в том числе и на те, которые представлены в дагестанских языках. Это обстоятельство создает порою непреодолимое процедурное препятствие при выделении в дагестанских языках среди многочисленных тюркизмов именно болгарских слов.

Поэтому, выявляя болгарские слова в дагестанских языках, мы должны первым делом выделить такие слова, которые бы безусловно характеризовались именно болгарскими фонетическими особенностями, и чтобы эти особенности были очевидны и не подлежали сомнению.

Таковыми наиболее яркими, собственно болгарско-чувашскими особенностями являются:

1. Наличие в начале слова звукокомплекса (слога) *согласный в+гласный* на месте *о, ов, у, уь* во всех других тюркских языках, в том числе в азербайджанском, кумыкском. Речь идет о т. н. «протезе *в*».

2. Наличие вбранта *р* в конце слога на месте *з (с)* во всех других тюркских языках, в том числе в азербайджанском, кумыкском. Речь идет о т. н. «ротацизме».

3. Наличие сонорного *л* на месте шипящего *ш* во всех других тюркских языках, в том числе в азербайджанском и кумыкском. Речь идет о т. н. «ламбдаизме».

Все эти особенности («протеза», «ротацизм», «ламбдаизм») присущи и болгарскому языку, о чем свидетельствуют сохранившиеся немногочисленные волжско-болгарские слова, а также болгарские слова, выявленные в венгерском, русском, марийском, мордовском и других языках. Эти же специфические особенности присущи и современному чувашскому языку.

Приведем по одному примеру на каждую из этих особенностей и, по мере возможности не углубляясь в специфические языковедческие вопросы, постараемся показать читателю, каким образом из более чем тысячи тюркских заимствованных слов в лакском языке выделены именно болгарские слова

Болгарские слова

юноша, грудной ребенок, Темир-Хан-Шура
и альчик

1. *Примеры на протезу в.* Не обязательно быть специалистом-языковедом, чтоб заметить, что приводимые ниже лакские слова объединены общей семантикой и имеют одну общую основу *вири*, которая в современном лакском языке самостоятельно не употребляется. Ср.:

Виричу «юноша, парень, кавалер, жених, новобрачный, молодец, удалец, герой» образовано от *вири* и известного лакского слова *чу/чув* «мужчина», в переносном «молодец, удалец». *Вирицар* «девушка, барышня, невеста, новобрачная»; образовано от *вири* и лакского слова *цар* «женщина, жена», см *цар хьун* букв. «женой (женщиной) стать», т. е. «выйти замуж»

Что такое *вири*? Это слово в старом лакском языке употреблялось как существительное в том же значении, в каком сегодня употребляют *виричу*. Об этом говорит то, что *вири* как обычное существительное и сегодня образует форму множественного числа: *виртгал* «юноши, парни, женихи, молодцы, герои». Оно образовано от *вири*+суффикс множ. числа — *гтал*, при присоединении

которого конечный гласный *и* в слове *вири*, как обычно в таком языке, подвергся усечению *вири+ттал* дало *вирттал*. Ср аналогичное явление *члири* «борода», но *члир тту* «бороды»

О том, что *вири* функционировало в качестве самостоятельного существительного единственного числа, свидетельствует и то, что оно, как многие другие существительные в лакском языке, употребляется в значении определения и может образовывать слова типа прилагательного, наречия, а также глагольные формы. См. *вирисса* (*вири*+суффикс прилагательного—*сса*) «молодой, юный, бодрый» (о человеке), «зеленый, находящийся в соку», ср подобное же образование *жагьилсса* (*жагьил* «молодой человек, юноша» + суфф прилагат — *сса*) «молодой, юный, бодрый, зеленый находящийся в соку» и т.п. *вирину* (*вири*+суфф наречия—*ну*)—наречие состояния, имеет те же значения, что и прилагательное *вирисса* ср подобное образование *жагьилну* (*жагьил* «юноша»+суфф наречие—*ну*) «в состоянии молодости»

В старинной лакской свадебной песне поется *Бацлу гъарин хуйсса душ, виринува бикланхрав, хъинсса оьрчал хъаралу хъилхъигу лагансара* — «Не будь заносчивой, красавица, думаешь, что будешь вечно молодой («зеленой»), успеешь еще завянуть («пожелтеть») в доброго молодца»

Значение *вирину* как нельзя более полно раскрывается в лакской поговорке наставлении *вирини бувсса оьрчлгу, щинай бъсса варсигу*, букв «ребенок тот (хорош), который родился когда родители молодые, бурка та (хороша), которая накачена на воде» *Вири хъун* (*вири*+глагол *хъун* «стать, становиться») «стать молодым, стать бодрым, помолодеть возродиться» (о человеке, растениях), ср подобное же образование *жагьил хъун* (*жагьил* «юноша+глагол *хъун*) «стать молодым человеком, помолодеть, посвежеть» и т.д. или же другая аналогичная форма *адимичо хъун* «стать мужчиной», перен «стать порядочным человеком»

Не только фольклор, но и письменные источники показывают, что слово *вири* с очень давних времен бытует в таком языке. В старинной книге «Китаб ал Куттаб» («Книга писателей»), разъясняя значение не очень понятного арабского слова переписчик на полях написал лакское слово *вири хъар* в значении «де

---

* Алл пбн Мухаммед ал Ездави «Китаб ал Куттаб («Книга писателей») переписчик Мухаммед б Абу ар Рахман аз Зираххарани дата переписки 1301—1305 г. н. э. находится в фондах Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР куда она поступила из библиотеки знаменитого ученого Дибир Кадн Хунзахского. В порядке справки

В книге (на полях между строк) много лакских персидских слов введенных самим переписчиком для разъяснения некоторых трудных арабских слов. Как установили специалисты Института ИЯЛ все приписки толкования на лакском и персидском языках принадлежат переписчику. Переписчик судя по фамилии кубачинец видимо кроме арабского персидского хорошо знал и лак

вушка, молодуха, невеста» (письменные документы и данные родственного аварского языка показывают, что еще в XVIII в лакцы вместо современного *шар* употребляли *ъар*, это погом, в близкое к нам время *хъ* перешло в *щ* и лакцы стали употреблять *щар* вместо *ъар*).

Слово *вири* не исконно лакского происхождения. Если бы оно было исконно лакским, то должно было бы иметь свои соответствия в близкородственных аварском, даргинском, лезгинском и других дагестанских языках. В значении «юноша, молодец, жених» и т. п. в этих языках употребляются совершенно другие слова, не имеющие по своему происхождению никакого отношения к нашему *вири*. См., например, в аварском *галилов*, даргинском *вишггал*, лезгинском *жегбил* «юноша», соответственно *вас* (*васав*), *дурхч* (*урши*), яда «мальчик», *бихьинчи мурул идам*, *итим* «мужчина» и т. п., *ясай*, *рурси*, *руш*, «девица», *аланже* (ригьнаде араи), *цлий свас* «новобрачная», *балларчи*, *къучалъ*, *игиг* «молodeц, герой».

В таких случаях языковеды уже подозревают, что данное слово может быть заимствованным из какого-то пока неизвестного языка, и начинают его поиски во всех языках, с которыми лакский имеет или мог иметь контакты. Поскольку ни в арабском, ни в персидском этого слова нет, нужно искать его в тюркских языках, как в наиболее вероятных источниках заимствования.

Сопоставление лакского *вири* с тюркскими словами выявляет четкую и последовательную систему (а система для языковедов — если не полное, то, как говорится, больше по ювине доказательство) и дает основание уверенно говорить о тюркском происхождении этого слова. Ср.

Лакск	<i>вири</i> «юноша, молодец»
древнетюрк	<i>ури</i> «юноша, мальчик, сын, мужское потомство»
«	<i>ури огъул</i> «сын, мужское потомство» (<i>огъул</i> «сын»)
«	<i>кенч ури огъул</i> «род, потомство, зерно, семья»
«	<i>уругъ овзлугъ</i> «родственники» (<i>овзлугъ</i> «свой», «родственник»)
ног	<i>урув, ирив</i> «род, наследник, родственник»
уйг	<i>оры</i> «сын»
азерб	<i>уругъ, ургъу</i> «родня, род, поколение»
кумык	<i>урлукъ, урукъ, уру</i> «семья» [*]

ский язык (Я выражаю свою признательность научным сотрудникам Института ИЯЛ А. И. Амирханову, сообщившему нам об этих интересных комментариях М. С. Магомедову, который делает подборку всего необходимого материала).

* Необходимо заметить, что в лакском языке представлено заимствованное из кумыкского или азербайджанского языка *урукъ* «кра лягушки, головастики». Как ниже будет видно, азерб. *уригъ* и кумык. *урлукъ, урукъ, уру* к инте-

Из этого сопоставления нельзя не заметить четкого совпадения по форме и по содержанию лакского *вири* с тюркскими словами, если, конечно, исключить различие только в начале слова. Но и в этом случае нельзя не заметить систему: в лакском начальное *ви* регулярно соответствует губному гласному *о* или *у* во всех приведенных тюркских эквивалентах.

Раз тюркское происхождение *вири* очевидно, то из какого именно тюркского языка оно попало в лакский язык? Конечно, можно было бы предположить, что оно было заимствовано из кумыкского или азербайджанского языков и после заимствования уже на лакской почве *у* перешло в близкий по звучанию согласный *в*. При этом можно было допустить, что в древнем азербайджанском или кумыкском языках *уругъ*, *урухъ*, *уру* означало (как и в других тюркских языках) «юноша, мальчик, наследник» и т. д. В принципе такое допущение в практике историко-этимологических исследований возможно. Но все дело в том, что в лакском языке при заимствовании азербайджанского или кумыкского слов начальное *о*, *у* в них не переходит в *в* и, судя по всему, никогда не наблюдался такой процесс. Нужно подчеркнуть, что такая фонетическая закономерность, как переход *у*, *о* в *в*, лакскому языку вообще не присуща. Откуда мы это знаем?

Известно, что фонетические тенденции, действующие в том или ином языке, ярче всего проявляют себя при адаптации заимствованных слов, точнее же — заимствованные слова фонетически видоизменяются согласно действующим в заимствующем языке фонетическим законам. Лакский язык — не исключение из этого правила.

Как показывают факты, все иноязычные слова с начальным *о*, *у*, *ов*, *уь* в лакском языке остались без изменения* и нет ни одного примера, чтобы эти губные гласные перешли в согласный *в*. Об этом красноречиво свидетельствует целый ряд заимствований из тех же азербайджанского и кумыкского языков. Например: лакск. *угъраш* «подлец, сводник», ср. азерб. *огъраш*, кумык. *огъураш* в этом же значении; лакск. *ужагъ* «очаг, дом, хозяйство», азерб. *оджаг*, кумык. *ожагъ* в этом же значении; лакск. *улахъ* «вьючное животное, гужевогой транспорт» — азерб. *улаг* в этом же значении; лакск. *урду* «дворец, резиденция хана» — азерб. *орду* «армия», кумык. *орду* «дворец», «армия», древнетюрк. *орду* «ставка, дворец хана» и т. д.

ресующему нас *вири* непосредственного отношения не имеют. Эти кумык. и азерб. слова мы приводим здесь для того, чтобы как можно подробнее продемонстрировать, что лакское *вири* имеет свои соответствия в различных тюркских языках, и показать, что оно по происхождению уходит в тюркскую языковую почву.

* Речь не идет о случаях перехода гласного *о* в *у*, которые обусловлены отсутствием в лакском языке звука *о*, или о других изменениях.

Чтобы исключить возможные сомнения, отметим также, что в кумыкском языке имеется слово *оьрум* «мальчик, подросток» (значение которого легко вырисовывается в кумыкском словосочетании *яш оьруьм* «подросток», в котором отдельно *яш* «мальчик, молодой человек»), с ним же семантически и по происхождению увязывается и другое кумыкское слово *уьруьм* «зеленый побег»

В таком случае, не может ли быть так, чтобы лакское *вири* восходило к кумыкскому *оьруьм* или *уьруьм*? Не может быть, так как опять таки нет объяснения переходу кумыкского *оь*, *уь* в *ви* на лакской почве

Точно так же, как *о*, *у*, в лакском языке в заимствованных словах остаются без изменения и начальные *оь*, *уь*. Ср., например, азербайджанские и кумыкские заимствования в лакском языке лакск *ухгтансса* «гордый, надменный» — азерб *оьтлаьм*, кумык *оьктем* в этом же значении, лакск *урдак* «\т\ка» — азерб, кумык *оьрдек* в этом же значении и т. д.

Таким образом, остается предположить, что лакским языком слово *вири* было заимствовано в той же фонетической оболочке с начальным же *ви*

Из всех тюркских языков только в современном чувашском и мертвом болгарском языках на месте общетюркских губных гласных *о*, *оь*, *ю*, *уь* (*о*, *оь*, *у*, *уь*) выступает, как уже отмечалось, протетический, губо-губной согласный *в*. Это является одной из специфических особенностей, благодаря которым болгарские языки (болгарский и современный чувашский) выделяются среди всех других родственных языков²

Об этом красноречиво свидетельствуют данные современного чувашского языка, а также надписи на надгробиях средневековой Волжской Булгарии (например, булг *вун* «десять», ср. азерб *он*, кумык *он* «десять», булг *вуч* «три», ср. азерб, кумык *уьч* «три», булг *вадар* «тридцать», ср. азерб, кумык *отуз* «тридцать» и т. д.), а также болгарские слова, выявленные в венгерском и болгарско-славянском языках

Интересующее нас слово *вири* среди известных на сегодня собственно болгарских слов (я имею в виду болгарские слова на волжских надгробиях, в венгерском, болгарском (слав.), русском и др. языках) не обнаружено. Но оно представлено в современном чувашском языке общность по происхождению чувашского *вара* «семя семечко, семена» и древнетюрк *ури* «сын, мальчик, мужское потомство», *уругъ*, *уригъ* «семя, зерно, род, потомство», азерб *уругъ* «род, поколение», кумык *уру* *уриг* «семя, плод, род», тув *уругъ* «ребенок, девочка, младшая сестра», уйг *уры* «сын», *уруг* «потомок, отпрыск» очевидна, она ни у кого не вызывает сомнения³

Поэтому болгарское происхождение лакского *вири* также не может вызвать сомнения

Таким же образом доказывается болгарское происхождение ряда других лакских слов, как например

Вирин изан «чувствовать возбуждение, чувствовать себя молодым, испытывать чувство второй молодости, стать моложе» Ср древнетюрк *урун* «напрягаться, подниматься, возбудиться», *урунди* «возбудился» (ДТС), *урунч* «возбуждение» (Радлов), в чувашском представлена непосредственная болгарская форма *вырын* «возбудиться» (РЧС I) *

Вивра, виура, вири «род с гадостей в виде густой массы из поджаренных и размоютых семян льна, меда и масла» в других лакских селах говорят по-другому, например в с Хосрех—«кашица из толокна и раскрошенного овечьего сыра», в переносном смысле «всякая бурда», «каша лижа» Это блюдо известно было многим тюркоязычным народам, и каждый готовил по своему Ср ног *уьйре* «похлебка, суп из крупы» башк, тат *уьйраь* «суп, похлебка», узб *увра, угра* «похлебка лапша», узб диал *уйра, убра* «лапша», карайм *ивре* «каша, група» атл *уьре* «кашица из толовой крупы и молока», якут *уьорс* «бобушка из лиственничной заболони, кусков рыбы и незначительного количества муки» древнетюрк *уьгера* «мучное блюдо» и т д Среди известных болгарских слов и в чувашском языке это слово не обнаружено, но болгарское происхождение лакской формы очевидно из приведенного сопоставления,

Вит «сыворожка» (жидкость, остающаяся от заквашенного молока после снятия творожной массы), *нис вит хьун* «прокиснуть, закваситься, свернуться» Ср узб *уйит-* «киснуть, скисать, свертываться», древнетюрк *уйит-* «створоживаться», *уйитма* «творог», кумык *уйут-* «киснуть, свертываться», *уйутгьуч салмакъ* «заквашивать», *уйутгьуч* «закваска» Первоначально *вит* в лакский язык проникло как глагольная основа в значении «створожить, дать прокиснуть, свернуться» и, видимо, употреблялось с соответствующими лакскими вспомогательными глаголами *бан, хьун вит бан, вит хьун*, а такое употребление обычно для заимствованных слов Впоследствии болгарская глагольная основа *вит* обособилась и стала употребляться самостоятельно как имя существительное— это тоже часто встречающееся явление с заимствованными словами Но обратите внимание первоначальное глагольное значение все же сохранилось в выражении *накл нис вит хьун* «прокиснуть, створожиться молоко» Здесь в основе глагола *нис вит* выделяет

---

* Это слово представлено в пехлевином (среднеперсидском) *варан* «страсть, похоти» (пехл в) Некоторые исследователи полагают, что оно в пехлеви могло проникнуть из болгарского

ся *нис*, которое в современном лакском языке является существительным и означает «творог, творожная масса, брынза». Первоначально *нис* служил глагольной основой в значении «створожить, створожиться, прокиснуть»: *нис дан* «створожить», в соврем. лакском — буквально «брынзу сделать»; *нис хьун* «створожиться», прокиснуть», в совр. лакском — буквально «получиться (образоваться) брынзе». Таким образом, выясняется, что первоначально глагольная форма *нис вит хьун* «прокиснуть, створожиться» была образована путем употребления (повтора) в одном и том же значении исконно лакской основы *нис* и заимствованной болгарской глагольной формы *вит-* «створожить(ся), прокиснуть» Если не учесть это обстоятельство, то современная лакская глагольная форма *нис вит хьун*, которая в самом деле означает «прокиснуть, образоваться творожной массе», звучала бы как бессмыслица: «творог прокиснуть» или «творог превратиться в сыворотку»

2. Примеры на ротацизм

Вир. Это существительное отдельно в современном лакском языке не употребляется, но представлено как определение (составной компонент) в сложном слове *виртиил обрчл* «грудной ребенок», букв «*вир-а* дитя»; значит *виртиил* — это форма родительного падежа от слова *вир* Встречается словосочетание *виртиилу обрчл* «грудное, малолетнее дитя», букв «дитя, которое под *вир-ом*», значит *виртиилу* — это форма местного падежа от слова *вир*. Хотя и очень редко, но можно слышать в речи женщин *виртиилу ивтун я ан* — букв. «держат под *вир-ом*, вырастить ребенка», т. е. соотв. «беречь как зеницу ока» Ср аналогичное словосочетание в лакском же: *лякьлул обрчл* «грудной ребенок», но и «родное дитя», букв. «живота (утробы) дитя», *лякьлул* — форма род. падежа от лакск. *лякья* «живот, утроба»

Прежде всего обратим внимание на древнетюрк. *овз* «сердцевина, сердце, живот, внутренности, внутренние органы тела»; см. также: *уругъ обзлугъ* «родственники, свойственники», *овзакъ (овз+акъ)* «кровеносный сосуд, шейная артерия» (ДТС); тур. *овз* «внутренность, сердцевина, сущность, лучшая, отборная часть чего-либо; собственный, родной» (ТРС.1), азерб. *овзакъ (овз+акъ)* «сердцевина, ядро, стержень» (АРС.1), кумык. *овзек (овз+ек)* «сердцевина, ядро, овраг, ручей» (КРС.1)

Выше мы уже отмечали, что начальным губным гласным (*о, ов, у, уб*) во всех тюркских, в болгарском и чувашском языках соответствует согласный *в* с последующей делябилизацией губного гласного. И если еще вспомнить о другом законе, согласно которому согласному *з* (иногда и *с(з)*) во всех тюркских, в болгарском и современном чувашском языках регулярно соответствует вибрант *р* (речь идет о «законе ротацизма»), мы получим нужное нам слово *вир* Оно представлено как раз в чувашском.

Ср *вар*, «живот, чрево, внутренности, желудок», «долина», *пер варла* «единоутробный» (*пер* один), *вар анни* «паховая грыжа», *вар тухни* «грыжа», *вара* «сердцевина дерева» (Ашмарин Сл)

Среди известных собственно болгарских слов это слово в значении «живот, внутренность» не обнаружено. Но в оставленном византийскими историками гунском названии реки Днепр — *вар* (что значит буквально «река, долина») мы можем легко восстанавить и нужное для нас значение «внутренность, ядро, сердцевина, мякоть». Ср чуваш *вар*, которое кроме «чрево», «сердцевина» означает и «долина», «русло», кумык *овзек* (*овз* + *ек*) кроме «сердцевина, ядро» означает и «овраг, ручей река», башк *уьган* «русло реки», *уьзак* «сердцевина», но и «долина в горах».

Значит, в дагестанском болгарском языке *вир/вар*, как и во всех других тюркских, в том числе и в чувашском, означают 1) внутренность, живот, 2) сердцевина, мякоть, стержень, 3) русло, река, но в лакский язык оно проникло только в одном первом значении.

Таким же образом выявлены и другие «ротацирующие» болгарские слова в лакском языке, как например

В'эрисса (*в'эри* + суфф. прилагат. *сса*) «озлобленный, обозленный, человек держащий камень за пазухой» и т. п., *дак/ в'эрисса инсан* букв «человек с озлобленным сердцем», от основы *в'эри* образуются наречие, глагольные формы. Ср древнетюрк *уьз* «ненависть», *уьз буз кьил* «ненависть, питать ненависть», *йуьз* · *йуьз кьизарт* «сердиться, гневаться, раздражаться» (ДТС). Среди болгарских слов не обнаружено, но ср чуваш *вир* «раздражаться», *виртле* (*вир* + *тле*) «дразнить, раздражать».

Варансоу/варансо «верзига, дубина» (о высоком, полном человеке, с оттенком уничижительности), слово скорее разговорное, употребляется редко (Если, конечно, не случайно совпадение, к нему же можно отнести и лезгинское *вагьрам* «дубина, верзига» (ЛРСл) и метатизированный его вариант *варьгам* в этом же значении, который употребляется в некоторых лезгинских диалектах как иноязычное слово)⁴ Ср азерб *узунсов* «продолговатый» от слова *узун* «длинный, высокий» (АРСл), кумык *узун сув* «длинноватый», от *узун* «длинный, высокий» (КРСл). На болгарское происхождение лакского *варансов* указывают чуваш *варам* «длинный, высокий», чуваш диалектное *вырым*, *ворам* «длинный, высокий» (Ашмарин Сл), сохранившееся в современном болгарском (славянск.) языке болгарское *верем* «длинный, высокий»⁵ В данном случае болгарское происхождение лакского *варансов* доказывается не только наличием в начале слова протегического болгарско-чувашского *в* на месте кумыкского, азербайд

ланского губного гласного *y*, но также и на ином вибранта *-p* на месте кумык, азерб *-з*

Элемент *-сов, -сув* (лакск *варансов*, азерб, кумык *узунсов, узунсув*), который в лакском языке не выделяется и не имеет грамматической нагрузки, в тюркских языках имеет значение «подобный, похожий» и в качестве словообразовательного суффикса присоединяется к прилагательным, именам⁶ (правда, в современном чувашском языке он не обнаружен) Возможно, лакск *варансов* бы ю заимствовано из болгарского языка с этим же тюркским суффиксом, но быть может сами лакцы присоединили этот суффикс к имеющемуся заимствованию *варан* уже позднее под влиянием кумыкского или азербайджанского языков

Возможно, что болгарскими фонетическими особенностями (соответствие *p з*) характеризуется даргинское с юво *шурай* «озеро» На его болгарское происхождение указывает чувашское *шура, шур, шора* «болото, болотистая земля», «болотистый луг», ср также *шуралах (шурлах)* «болотистое», *шурлах сер* «болотистая земля» *Шура* в различных фонетических (диалектных) вариантах широко представлено в чувашском языке (Ашмарин С.1)

Чувашское *шура (шур, шора)* — исконно болгарско-чувашское слово, на что указывает наличие в нем вибранта *p* на месте *в* в других тюркских языках и шипящего *ш* в начале слова на месте свистящего *с* в других тюркских языках, а соответствие *ш с* также является, как доказано исследователями, одной из ярких и типичных особенностей чувашско-болгарской фонетики⁷ Ср с одной стороны, чуваш *шура* «болото», с другой — кирг *саз* «мокрые луга, болото», тат диал *саз* «болото, стоячая вода», тат *сазлык* «болото», *сазлы* «глинистый», кумык *сазлыкъ* «глинистое место», *саз балчыкъ* «глина» и т д *

---

* По поводу возможного недоумения — можно ли сопоставлять даргинское «озеро» и болгарско-чувашское «болото» необходимо заметить вполне вероятно, что слово «болото» (если оно так и было в языке дагестанских болгар) позднее после заимствования в даргинском языке, переосмыслилось в «озеро». Примеров на такое изменение первоначального значения слова, особенно при заимствованиях, более чем достаточно, можно сказать, это скорее обычное явление Дело даже не в этом Хотя дарг *шурай* на русский язык переводим словом «озеро» но имеется в виду, конечно не «большое озеро», какое известно, скажем, в России Употребляя по русски «озеро», мы имеем в виду всякое «скопление воды», «лужу», «искусственный небольшой водоем для скота» и т п Цу-дахарские даргинцы водоем в соседнем с Кумух величают также «Кумухским озером» Такое же употребление имеет и лакское *бяр*, хотя оно означает и «лужа на улице», «мокрое место под ребенком» и «озеро» (любое)

В тюркских языках *шура* и *саз* означает не только «болото», но и «всякое место, где скопилась вода», ср в татарском *саз* и «болото», а в современном кумыкском *сазлы* (в котором прозрачно выделяется *сиз* и словообразовательный суффикс *-ты*) — просто «глинистое место»

Однако, предполагая болгарскую версию происхождения даргинского слова *шурай*, я не могу объяснить присутствия в конце этого слова полугласного *-и*. Его появление (если предположить, что первоначально даргинцами было заимствовано это слово в форме *шура*) не обусловлено известными мне особенностями даргинской фонетики, но, с другой стороны, этот факт невозможно объяснить на болгарской (вообще, тюркской) почве.

Слово *шурай*, известное сегодня только даргинцам, представлено в составе ряда топонимических названий⁸. Например, можно было бы обратить внимание на старое название гор Буйнак-ска—Гемир-Хан-Шура, в составе которого, не боясь впасть в большую ошибку, можно видеть болгарское *шура* «озеро, болото, стоячая вода».

Между прочим, интересно обратить внимание на то, что исследователи отмечали присутствие даргинского слова *шура* (*шурай*) в названии Темир-Хан Шуры и само название переводили как «Темир-ханово озеро»⁹.

Не вдаваясь в подробности относительно того, идет ли речь здесь о знаменитом завоевателе Тимуре (который, согласно источникам, был в этих местах) или же о хуторянце Темирхане, на земле которого были построены русские казармы и где впоследствии выросла слободка,—это тема специального исследования, сделаем отдельные замечания, необходимые непосредственно для нашего построения.

Действительно, на месте, где сейчас г. Буйнакск, а точнее, где в середине прошлого века был разбит городской сад, находилось, по свидетельству очевидцев, небольшое смрадное, заросшее сорняком озеро. В 1854 г. по распоряжению князя Аргутинского оно было осушено¹⁰.

Можно было бы предположить, что название *шура* оставили здесь даргинцы, которые в свое время заимствовали это слово из болгарского языка. Но мы достоверно не знаем, жили ли даргинцы когда-либо в этих местах. Вероятнее предположить, что название местности *шура* «болото, озеро» осталось здесь непосредственно от самих болгар. Из болгарского языка впоследствии оно перешло и в кумыкский. Правда, в современном кумыкском языке *шура* не имеет конкретного лексического значения. Но такое явление типично для случаев, когда происходит смена языка на одной и той же территории.

3. Примеры на «лямбдаизм».

Другая фонетическая особенность болгарского языка — это употребление сонорного *л* на месте шипящего *ш* в других тюркских языках. Об этом красноречиво свидетельствуют показания современного чувашского языка¹¹, а также отдельные болгарские слова, которые выявлены в различных языках

Но исследования последних лет открыли еще одну, ранее неизвестную, фонетическую особенность болгарского языка. Оказывается на месте общетюркского шипящего *ш* в болгарском могло быть не только *л*, но и *лч* *лц* а точнее, выходит, что болгары вводят и перед общетюркским *ш* дополнительно еще *л*¹²

В этой связи интерес для нашего сюжета может представить лакское слово *алчимей* «альчик, игральная кость». Совпадение лакского «*алчимей*» и русского «альчик» не случайное явление. Это слово и в лакский язык, и в русский, но в разных местах, попадает из болгарского языка. С учетом отмеченной выше закономерности, соответствия *лч* (*лц*) *ш* можно сравнить с одной стороны, азерб. *ашиг*, кумык *ашыкъ*, тур *ашик* «альчик, бабка» и лакск *алчимей* «альчик» — с другой. Интересно то, что в кумыкском языке это же болгарское слово сохранилось но в более узком значении кумык *алчы* «вогнутая боковая сторона альчика» (КРСл), а в азербайджанском — *алчы* «стоячее положение альчика» (АРСл). То что соответствие лакск *алчимей* русск *альчик* общетюркскому *ашык* не может быть случайностью, показывают и другие примеры. Ср., например древнетюрк *кыш* «кошан, пояс» и русский болгаризм *колчан* древнетюрк *бешик* азерб *бешиг* «пояска, кобыбель» и венгерский болгаризм *бобцов* (*bolcso*) «кобыбель» чешский болгаризм *болчи* (*bolcau*) «кобыбель» и т. д.

Светильник и летучая мышь

Лакское слово *вилах* «светильник чираг очаг камин» которое в современном лакском языке отдельно почти не употребляется, прозрачно представлено в образных выражениях проклятиях *вилах лещан* — букв «светильнику (или очагу) потухнуть», т. е. «случиться большому несчастью погибнуть семье» и т. п., *вил вилах лещевуй!* — букв «чтоб твой светильник (очаг) потух», т. е. «чтоб тебе самое страшное!», «чтоб кончился твой род!», *вилахаву душман* — букв «враг который в очаге (в доме)» т. е. «человек, который (оказывается) прогнев своих», «подлейший из врагов». Еще совсем недавно (начало XX в. известный лакский импровизатор Маммадай употребил *вилах* в значении «очаг, кухня» *Ттупислив нашан гавьсса гирманнал магьзартту, вилахниху щабивлун, кларттвуммай битача* — «свои германские маузеры, купленные в Тбилиси, примостившись у очага разрядите в тандиры» («Об изгнании анарагов»)

Вилах не имеет этимологии ни на лакской, ни вообще на дагестанской почве. На его тюркское происхождение указывает простое сопоставление с древнетюрк *йула* «факел светильник», *йульа* «факел» (ДТС), уйг *пула* «факел» между прочим из одного уйгурского диалекта в форме *джула* оно попало в древнемон

гольский язык, и монголы стали употреблять его как буддийский религиозный термин в форме *дзула* (джула) «светильник»¹³.

Обращает на себя внимание то, что это слово не обнаружено в современных западных тюркских языках. Все же, если бы оно было в каком-либо известном тюркском языке (напр., в азербайджанском, кумыкском), то должно было иметь форму с начальным *дж* (*джулак*) или *й* (*йулак*). Но в таком случае мы не смогли бы объяснить изменение предполагаемого *дж-* или *й-* в *в-* с последующей делабиализацией *y > u* в лакском языке. Такая фонетическая закономерность лакскому языку не была известна. Это слово в лакском осталось бы с начальным *дж-* (может, перешел бы в *ж* или *ч*, такие случаи нам известны) или же с начальным *й* (такие случаи нам также известны, особенно с тюркскими заимствованиями, ср.: лак. *йузбаши*, азерб. *йузбаши* «староста», лакск. *йук*, кумык. *йук* «ноша, груз» и т. д.).

Между тем, сохранившееся в современном кумыкском языке болгарское слово *варканат* «летучая мышь»¹⁴ подсказывает, что в болгарском языке в начале слова согласный *в-* мог выступать не только перед *о, ов, у, уь* в других тюркских языках, но и на месте общетюркских *й-, дж-*. Ср.: кумык. *варканат* «летучая мышь» и казах. *джарканат*, кирг. *джарканат*, туркм. *йарканат*, узб. *йарканат*, азерб., тур., гагауз. *йараса гушу* и т. д. «летучая мышь». (Здесь выделяется *джар, йар* «перепонка, пленка» и *канат* «крыло», т. е. *джар канат, йар канат* букв. «перепончатое крыло») ¹⁵.

Таким образом, остается предположить, что лакск. *вилах* было заимствовано из болгарского языка с начальным же согласным *в*, который соответствовал *й-* и *дж-* в других тюркских языках (древнетюрк. *йула*, уйг. *йула, джула*).

В пользу мнения о его болгарском происхождении дополнительно говорит и следующее. Как об этом свидетельствуют данные из современного чувашского языка, в лакском *вилах* в конце слова представлено типичное болгарское наращение *гласный + х*, там, где он отсутствует в других тюркских языках, например, чуваш. *уйах* «луна», но ср. азерб. *ай* «луна»—без этого наращения.

Другие болгарские слова

Обыск, близкие, родственники

Пытаясь лингвистически ответить на вопрос «Были ли болгары в Дагестане?», мы специально остановились первым делом на тех словах, которые характеризуются болгарско-чувашскими специфическими фонетическими особенностями и которые трудно спутать со словами из любого другого древнего и нового тюркских языков. Демонстрацией, первым делом, слов с известными в тюркологии специфическими болгарскими особенностями я хотел,

кроме всего, преодолеть и неизбежный психолингвистический барьер. Любое другое слово, не обладающее специфическими болгарскими фонетическими особенностями, всегда находилось бы под сомнением у читателя, и каждое такое слово могло вызвать вопрос: «А может быть, оно заимствовано из старокумыкского или старозазербайджанского, или же из какого-либо теперь неизвестного кипчакского и огузского диалектов?»

С другой стороны, почему татский язык должен был заимствовать выборочно из болгарского языка только те слова, которые характеризуются наиболее яркими и известными в науке болгарско-чувашискими фонетическими особенностями? В самом деле, не мог ли болгарский язык, с которым контактировали дагестанские языки, характеризоваться и иными, отличными от других тюркских языков, но до сих пор неизвестными в науке фонетическими особенностями? Действительно, почему бы и нет?! Ведь, говоря о болгарских фонетических особенностях, современная наука ориентируется только на те несколько слов, сохранившихся на болгарских надгробиях XIII—XIV вв. на Северном Поволжье, на современном чувашском языке и отчасти на некоторые болгаризмы, выявленные в венгерском, болгарском (славянском), русском и некоторых других языках. Наконец, почему язык болгар, который мог быть в Дагестане где-то в V—X вв., по своим особенностям во всем должен быть положим на язык поволжских болгар (впрочем, как и вообще болгар) и не иметь еще какие-нибудь другие фонетические особенности, неизвестные языкам поволжских болгар и современному чувашскому языку? Наверное, мог, во всяком случае такое предположение ни в коей мере не противоречит логике, ведь совсем недавно установлено же (мы только что об этом говорили), что в болгарских словах *л* мог выступать не только как заместитель общетюркского *ш*, но и быть в слове рядом с *ш* как «дополнительный» болгарский элемент.

Правда, болгарский язык — это не кубышка, в которую молча класть все, что нам непонятно, все, что отличается от азербайджанского, кумыкского и других известных нам современных тюркских языков. Но вместе с тем, в поисках следов болгарского языка мы также не можем слепо следовать только тем канонам, которые известны в тюркологии, и тем самым искусственно ограничивать круг своих поисков. Однако, это я к чему?

В болгарском языке представлен ряд тюркских слов, фонетический облик которых никак нельзя объяснить на татской и вообще дагестанской языковой почве. Но эти фонетические особенности нельзя объяснить также по данным азербайджанского, кумыкского и др. современных тюркских языков.

То, что фонетические особенности таких слов, хоть и косвенно, но все же имеют объяснение по данным исторической тюркологии,

позволяет с большей или меньшей уверенностью отнести эти слова к числу заимствований из болгарского языкового мира.

Из таких предполагаемых многих лакских болгаризмов отмечу следующие.

Лакск. *цлухла* «обыск, проверка», «должностные лица, занимающиеся обыском»; *цлухла бишин* «обыскать, проверить, пошарить». На первый взгляд может показаться, что это слово образовано от лакской глагольной основы *цлухх-ин* «спросить что-либо у кого-либо», с которой генетически связано, по всей вероятности, и аварское *цлеххе-езе* «расспрашивать, опрашивать, разведывать», *цлсххей* «опрос, распросы». Однако наличие в лакском *цлухла*, во-первых, характерного тюркского элемента *-ла* (*цлух-ла*), который, впрочем, в лакском языке не имеет никакой грамматической нагрузки и вообще не выделяется как самостоятельный элемент, но созвучен тюркскому суффиксу *-ла*; во-вторых, основы *цлух-*, которая, кроме начального согласного, совпадает с тюркской основой *йох-*, наводит на мысль о тюркском происхождении лакского *цлухла*. Ср. азерб. *йохла* «проверять, разузнать, ревизовать, цупать»; *йохлама* «проверка, ревизия» (АРСл); уйгур. *йохлима* «проверка», *йохлимачи* «ревизор, контролер, человек, которого посылают для ознакомления с бытом жениха» (УРСл).

Если предположить, что это слово проникло в лакский язык из азербайджанского и *йохла* дало *цлухла-*, то нельзя объяснить переход начального азербайджанского полугласного *й* в свистящий абруптив *цл*. Многочисленные факты показывают, что начальный *и* во всех заимствованиях из азербайджанского, кумыкского и других языков в лакском остается без изменения, но об этом мы уже говорили выше. Нам известно и другое: азербайджанскому начальному *й* в ряде других тюркских языков соответствует или *д*, или *т*, или *дж*, или *ж*, или *з*, или межзубный звонкий согласный, очень близкий к *з* (*дз*), межзубный глухой согласный, очень близкий к *ц* (*тс*). А по свидетельству М. Кашкарского (автора сравнительного словаря тюркских языков, XII в.), в языке болгар и сувар был *з*, соответствующий межзубным согласным *дз* и *тс*¹⁶. Поэтому вполне вероятно, что в языке дагестанских болгар был именно *ц* или близкий к нему согласный, который очень легко мог перейти на лакской почве в *цл*¹⁷.

В этом ряде межтюркских звукосоответствий, по всей вероятности, стоит одно лакское культурное слово — *зукка* «веретено», которое по своей фонетической оболочке выделяется среди всех других родственных дагестанских языков (что уже сигнализирует об иноязычном происхождении), за исключением удинского языка, о котором скажем ниже. На тюркское происхождение *зукка* указывает сопоставление его с уйгур. *джиг*, *жиг*, *жик* «веретено» (УРСл), древнетюрк. *йик*, *йик* «веретено» (ДТС). Но в кумык-

ском и азербайджанском языках это слово отсутствует, поэтому сама собою напрашивается болгарская версия. В болгарском это слово до ижио было иметь в начале или «чистый» з-, или же межзубный дз-, который перешел в «чистый» з- на лакской почве. Относительно губного гласного -у- в первом слове вероятнее всего предположить, что в источнике заимствования был -у- (а не -и-, как в уйгурском, древнетюркском), на это указывает наличие -у- в удинском *джул* «веретено», которое заимствовано также из болгарского языка. Наконец, отметим, что конечный гласный а (*зукк-а*)—это типичное лакское наращение, которое очень часто наблюдается в заимствованных словах, если они оканчиваются на согласный звук (см., например, *шимхал*—*шамхала*, *багдадур*—*багдадура*)

Таким же образом становится очевидным болгарское происхождение лакского *зана*, представленного в составных глаголах *зана иклан* «вернуться, возвратиться», *зана бан* «возвратить, повернуть»; *зана билан* «перевернуть; перелицевать» (брюки, пальто) и т. д. Ср. древнетюрк *йан*- «возвращаться» (ДТС), уйгур *йан*- «возвращать, поворачивать обратно», «отражать» (УРСл), *йипч-йана*- «возвратиться» (Кипч сл)

Лакская основа *гъан*, от которой образуются и многие другие слова (*гъанчу* «родственник, близкий», *гъанцири* «все, кто близкие, родня, родственники», *гъансса* «близкий», но и «родня, родственники», *гъаншиву* «близость», но и «родство», *маччагъан* «родня, родственники», *гъан хъун* «приблизиться», но и «породниться» и т. д.), по происхождению восходит к тюркской основе. Об этом свидетельствует следующее сопоставление азерб *йан* «сторона, боковой, около, возле», *йанчы* (йан+чы) «сторонник, заступник» (АРСл, АДСл) Между прочим, в кумарском диалекте лезгинского языка *йанчи* (<азерб) «женщина, которая сидит рядом с ковровщицей в качестве «второй руки», помощницы», кумык *йан* «бок, сторона», *йанаша* «соседний» (КРСл), уйг *панашик* (йан+а+шик) «близкий, соседний» (УРСл) и т. д.

Если допустить заимствование лакск *гъан* из кумыкского или азербайджанского языков, то есть из языков наиболее вероятных тюркских источников заимствования, то, как и отмечали выше, нельзя объяснить переход кумык или азерб *й* в *гъ*- в лакском языке. Но непосредственно в болгарском языке в начале слова *гъ*-, соответствующего азербайджанскому, кумыкскому *й*-, не зафиксировано. Не помешает ли это обстоятельство источником заимствования лакского *гъан* предположить болгарский язык? Нет, если вспомнить, что в отдельных тюркских языках был возможен в начале слова (точно так же, как и *й*- в азерб, кумык языках) спирант *гъ*, соответствующий, в свою очередь, *гъ*-, *х*-. На такую возможность указывалось в специальной литературе¹⁸.

Поэтому мы допускаем, что лакск *гван* было заимствовано с начальным же спирантом *гв* (или каким-нибудь другим спирантом из этого же ряда, который впоследствии перешел на лакской почве в *гв*-)

По таким же соображениям предполагается болгарское происхождение следующих лакских слов *гвилци* «теплый» (ср древнетюрк *йылыг* «теплый», *ылы* «согреваться» (ДТС), кипч *йылы* «теплый» (Кипч Сл), кумык *йылы* «тепло, теплый» (КРСл), *гвал* «козлиная шерсть, грива» — в значении «грива» *гваг* легко выделяется в поэтическом слове *гвагбарц* «лев», букв «гривастый волк», см также авар *гвал* «грива» в слове *гвалбац* «лев», *гваг* «коса», *гвалакло* «чуб» (ср древнетюрк *йал* «грива» (ДТС), азерб, кумык *иал* в этом же значении) Ксга ти, в других дагестанских языках представлено *йал* «грива», которое является непосредственным заимствованием из азербайджанского или кумыкского языков

Привлекают внимание несколько лакских слов, тюркское происхождение которых видно и «невооруженным глазом», для этого достаточно простое сопоставление их с своими корреспондентами в тюркских языках Например

Лабхъин «родня, родственники, род, клан», см лакск образное выражение *лабхъин хъуммар* — хъа уттар «(у него) могущественный род», *цуму лабхъиндалул душ зу къатлул заллу хъуссар* «девушка из благородного рода стала хозяйкой вашего дома» (фольклор) Ср древнетюрк *йахъин* «близкий», «находящийся вблизи», но и «ближний», «родственник» (ДТС), узбек *йакин* «родной, близкий» (Уз РСл), туркм *йакын* «близкий, не далекий», но и «родной», азерб *йахын* «близкий», «недалекий», но и «вхожий» (АРСл), для наших целей особенно интересны показания кумыкского языка кумык *йакъла-* «защищать, поддерживать, покровительствовать», *йахълав* «защита», «поддержка» (КРСл). Данные этих и других тюркских языков показывают, что в лакский язык *лабхъин*, может быть, проникло в значении «родственник», «ближний».

Из какого тюркского языка это слово могло проникнуть в лакский? Можно было бы смело предположить азербайджанскую или кумыкскую версию, если бы только мы могли объяснить, опять-таки, изменение начального *й* в сонорный *л* на лакской почве Сразу же подчеркнем, что ни в одном случае в азербайджанских, кумыкских и др известных заимствованиях начальное *й* в лакском языке не переходит в *л* Заимствованных слов с начальным *й*, в том числе из азербайджанского и кумыкского языков, в лакском немало

Между тем известный финский тюрколог М Рясанен считает, что в древнеболгарском языке был представлен в начале ряда

слов сонорный *н* — как соответствие полугласному *й* в других тюркских (азерб., кумык., узбек., туркм., древнетюрк.) языках¹⁹ Возможность наличия в болгарском языке в начале слова согласного *н* (как соответствие *й* в других тюркских языках) подтверждается также данными чувашского языка и некоторых языков народов Сибири²⁰

Если допустить в болгарском языке в начале интересующего нас слова (*лабъин*) сонорного *н*, то нетрудно будет объяснить возникновение в лакском слове *лабъин* сонорного *л*, так как многочисленные факты показывают, что в заимствованных словах, в том числе и в старых, в лакском языке начальное *н* обычно переходит в *л**) Ср, например: *лавмарт* «низкий, подлец, предатель» с перс. *намабрд* в этом же значении, *лишан* «знак, примета, отметка, цель, мишень» с перс. *нешан* в этом же значении, *лукъаличу* «сорт халвы» — азерб диал *накъалча* «сладость, приготовленная из меда»

Таким образом, мы показали слова, характеризующиеся очевидными болгарскими фонетическими особенностями протезой *в*. ротацизмом, ламбдаизмом. Некоторые из них имеют свои непосредственные соответствия в современном чувашском языке и среди болгарских слов, известных по письменным памятникам, выявленным в венгерском, болгарском, русском и др языках. Это позволяет более или менее уверенно ответить на поставленный вопрос «Были ли болгары в Дагестане?» таким образом в Центральном Дагестане рядом с лакцами в раннем средневековье жили болгары, идентичные по языку: а) волжским болгарам — предкам чувашей; б) болгарам, контактировавшим на Кавказе с предками венгров-мадьяр, в) болгарам, бывшим в раннем средневековье в районе Балкан и Дуная, впоследствии этнически смешавшимся со славянским населением (и оставившим свое имя современным славянским болгарам и стране Болгария) и пришлыми венграми мадьярами; г) болгарам, с которыми контактировали предки русских.

Кроме того, некоторые из рассмотренных слов: *вилах*, *цлухла зукка*, *зана*, *гъан*, *гъили*, *ляхъин* (и другие, на которых мы остановимся ниже, но уже по другому поводу) позволяют считать, что язык предполагаемых дагестанских болгар отличался рядом других фонетических особенностей (быть может, неизвестных волжским, дунайским болгарам), что, в свою очередь, дает основание говорить о том, что или болгары приходили в Дагестан не один раз,

* Однако мы не исключаем возможности, что в предполагаемом дагестанском болгарском языке в начале слов было *л*, соответствующий *й* в других тюркских языках. Об этом говорит прежде всего частое чередование *й—л—н*, которое наблюдается в чувашских диалектах (см об этом, например Ахметьянов Р Г Общая лексика духовной культуры..., с 90)

или же язык дагестанских болгар отличался известным диалектным разнообразием.

Итак, мы можем сказать, что обнаружилась и третья ветвь населения Великой Булгарии, разгромленного экспансивными аварами и хазарами.

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О БУЛГАРАХ

Что из себя представляли эти болгары и что с ними стало в Дагестане? Может быть, они как появились, так и ушли отсюда, оставив на память о себе лишь несколько слов в дагестанских языках, а может быть они на самом деле стали сводными братьями нашим предкам? А если стали ими, то в чем это выразилось—только лишь «формально-юридически», постольку, поскольку жили на земле, принадлежавшей дагестанцам, или же они вошли во вновь обретенную семью народов, прижились в ней, приняли участие во всех делах новой семьи, беря себе то, чего не хватало, и отдавая то, чем могли поделиться? Все это и многое другое имеет прямое отношение к истории дагестанских народов, и нам далеко небезынтересно знать, занимают ли болгары место в сложном и многоветвистом родословном древе дагестанцев, и если занимают, то какая ветвь им принадлежит — большая, близкая к стволу или же только боковая, где-то в конце такого ответвления.

Нужно знать не только своих непосредственных предков, но и их родственников, близких и дальних, кто бы они ни были. Признаемся же без ложного стыда, что всем хочется иметь знаменитых родственников и предков. Чего уж греха таить, разве мы, гуманитарии—и историки, и фольклористы, и языковеды, не ищем свои корни среди более именитых в историографии древних народов, разве не хотим мы в какой-то мере быть причастными к великим беломраморным развалинам и знаменитым библиотекам глино-кирпичных книг Месопотамии, Вавилонии, Передней и Малой Азии?

Не так много найдется известных кавказоведов у нас и за рубежом, которые бы не приложили свои усилия, чтобы найти родство (пусть не самое большое) с романтическими и полуполюгендарными хаттами, хурритами, урартцами и т. п. (справедливости ради отмечу, что проблема генетического родства иберийско-кавказских языков с мертвыми языками Передней Азии и сегодня стоит в ряду актуальных). И дело даже не в этом. Но если бы небольшая часть всей этой кавказоведческой научной энергии и возможностей была направлена на поиски родства с булгарами

и им подобными «неклассическими» нашими этноязыковыми родственниками, я почему то уверен в этом, мы сегодня знали бы много интересного и важного для нашей истории и истории наших языков

Разве тюркологи удержались от соблазна увидеть своих предков-родственников — чего уж там мелочиться — в самих шумерах, хотя «шумеро тюркские языковые связи, о которых так много говорят в течение десятилетий (добавлю от себя, продолжают и сегодня говорить и писать — Н. Д.), вряд ли можно принять всерьез»¹ Если так же настойчиво искать следы тюркских языков в более близких и реальных местах и просвечивать их историю через призму соприкасавшихся с ними иносистемных языков (ведь тюркские языки не только влияли на другие, но и сами формировались на различных субстратах и суперстратах), то обнаружилась бы много неожиданного и так недостающего для воссоздания подлинной истории тюркских языков Не случайно А. М. Щербак, автор фундаментальной «Сравнительной фонетики тюркских языков», отмечал, что «учет различных фактов, относящихся к взаимодействию тюркских языков с кавказскими в историческом плане, будет полезным вкладом и в тюркологию, в кавказоведение, выделение древних тюркских заимствований в нетюркских языках заслуживает самого серьезного внимания»²

Еще более сорока лет тому назад А. П. Смирнов считал нужным подчеркнуть, что раннесредневековая история многих современных народов Евразии, включая башкир — на востоке и венгров и славян — на западе, в той или иной степени связана с болгарским этноязыковым миром «Без знания истории волжских болгар нельзя написать историю кавказских татар, чувашей, мордвы, мари, удмуртов и коми, история волжских болгар тесно связана с историей древней Руси, особенно с историей Владимиро-Суздальского, Рязанского и Московского княжеств»³ Спустя сорок лет к мнению московского ученого присоединились Я. А. Федоров и Г. С. Федоров, добавившие, что болгары имели «большее или меньшее отношение к этногенезу почти всех народов, обитающих на северных склонах Кавказского хребта»⁴ В свете уже имеющихся реальных показаний я, со своей стороны, могу расширить географию болгарской причастности к автохтонной действительности и выражу не только свое мнение, но и других своих коллег, если скажу, что с болгарским этноязыковым миром в большей или меньшей степени связана раннесредневековая история всех народов Восточного Кавказа, включая Закавказье, и в особенности Дагестан

Смогут ли в связи с интересующими нас вопросами оказаться полезными (скажем, информативными) сохранившиеся в дагестанских языках болгарские слова, помогут ли они нам что-либо

узнать о самих булгарах и о характере их взаимоотношений с предками народов Дагестана?

Пожалуй, никто не станет сомневаться в том, что язык, особенно его лексика, будучи самым непосредственным образом связанным с его носителями, отражает весь исторический путь, пройденный народом. Как прекрасно выразился поэт П. А. Вяземский.

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной

Языковые данные, даже отдельные слова, как об этом свидетельствует опыт советских и зарубежных исследователей, особенно ценными и информативными оказываются при исследовании истории взаимоотношений народов. Представленные в дагестанских языках болгарские слова, являясь «более живым свидетельством о народах, чем кости, оружие и могилы» (Я. Гримм), могут сообщить нам не только о бывших между булгарами и дагестанцами контактах, но и о характере самих контактов, о степени и форме проникновения болгарского этнического компонента в дагестанскую среду, т. е. об этногенетических связях более высокого уровня.

Многие непонятные или малопонятные сведения, содержащиеся в исторических хрониках, показания археологических раскопок, те же самые кости, оружие и могилы, те же сосуды, которые далеко не всегда как «разговорчивы», как нам этого хотелось бы, в известной степени могут быть уточнены и «озвучены» именно с помощью этих сохранившихся остатков болгарского языка.

Булгары в горах Дагестана

Языковые данные убедительно свидетельствуют о том, что булгары были размещены на значительной части территории современного Дагестана.

Наличие в кумыкском языке болгарских слов, а также отдельных топонимических названий, которые этимологизируются на болгарской почве, подтверждает, что до прихода огузов и кипчаков (язык которых впоследствии послужил основой современного кумыкского языка)⁵, на равнинной и предгорной частях Дагестана жило болгароязычное население. Наличие же болгаризмов в лакском, даргинском, аварском и других горских дагестанских языках указывает на то, булгары жили и в горах.

Значительную часть «горных» булгар составляли, видимо, те булгары, которые под натиском новых волн кочевников вынуж-

дены были спасаться в более безопасных местах. Такие продвижения в глубь гор могли быть в период арабских нашествий и арabo-хазарских войн, от которых страдало и мирное население равнинного Дагестана в другие времена, например, в связи с опустошительным набегом гузов (огузов), которые хлынули вместе с дружиной Святослава.

Проникновение в раннем средневековье кочевнического элемента в предгорные и горные районы Дагестана красноречиво подтверждается показаниями археологических раскопок⁶. Очевидно, в данном случае речь должна идти именно о булгароязычном населении, которое все еще сохраняло, как об этом свидетельствуют те же археологические показания, свои традиционные «степенные» элементы в материальной культуре.

Правда, сегодня мы еще не можем сколько-нибудь четко очертить контуры всей территории, на которой концентрировалось булгарское население. Это, видимо, задача будущего, когда наука будет располагать свидетельствами систематических археологических раскопок и надежных топонимических исследований.

Но тем не менее, нельзя совершенно без внимания оставить то же самое лакское предание о хазарском поселении рядом с современным Кумухом, сведения о кумухском квартале *Гъуннага* (букв. «гъунны»), о кумухских и табасинских названиях старинных родов, для этимологизации которых нет никаких ключей на местной почве, но прозрачно увязывается с названием *гъун* аварское предание, которое размещает хазар в предгорной Аварии и т. п. Только при допущении возможности близких (пусть в порядке рабочей гипотезы) непосредственных и продолжительных контактов мы можем объяснить наличие в таком языке такого относительно большого количества булгарских слов.

Многоязычные булгары

Фонетические особенности сохранившихся булгарских слов не оставляют сомнения в том, что дагестанские булгары говорили на различных тюркских (булгарских) диалектах.

Ориентируясь на современный чувашский язык и на показания булгарских надгробий XIII—XIV вв., венгерских, славянских булгаризмов, можно определенно сказать, что в составе прибывших в раннем средневековье в Дагестан тюркских племен были *чистые*

---

* Непривлеченным здесь остается ряд булгарских слов в лакском, аварском, даргинском, и др. языках как названия предметов домашнего обихода, блюд и т. п., которые как об этом свидетельствует практика исследования этноязыковых контактов могли быть заимствованы при непосредственных взаимоотношениях носителей языков.

булгары, идентичные по языку предкавказско-причерноморским, дунайским и волжским булгарам. Это те, которые оставили слова с протезой *в*, согласными *р*, соответствующим *з(с)*, *л*, соответствующим *ш*, и *ш*, соответствующим *с* в других тюркских языках.

Но у нас были очевидные тюркские слова с начальными *в*, *з*, *ц/ч*, *чи(ч)*, *зв-*, *л-*, соответствующими полугласному *й-* в других тюркских языках, с неприсущим для тюркских языков согласным *ц*, соответствующим шипящим аффрикатам *ч*, *дж* и т. д. в других тюркских языках. Эти соответствия уже сами по себе сообщают о присутствии в Дагестане если не булгарских, то различных тюркских языков или диалектов, отличных от известных науке.

Если даже предположить, что язык дагестанских булгар был смешанным (чего в принципе нельзя не признавать), то все равно кажется невероятным, что он мог одновременно представлять восемь резко отличных друг от друга диалектов, как это формально выходит по нашим данным. Все это я говорю, руководствуясь современными мерками подхода к отдельному языку с диалектами, применяя современные категории и термины.

Но мы знаем, что все эти фонетические особенности, из которых только четыре (протеза *в*, ламбданзм, ротацизм и наличие *ш*, соответствующей *с*), представленные в булгарском и современном чувашском языках, на самом деле являются отражением различных этапов исторического развития тюркских языков. Если перенестись, скажем, в IV—VIII вв. (ориентировочное время прибытия булгар в Дагестан) и представить этноязыковую ситуацию тех времен, мы не можем говорить о сложившейся булгарской народности, которая говорила на различных диалектах одного и того же булгарского языка, но и с доминирующим диалектом. Скорее, речь должна идти о различных булгарских племенах, говоривших между собой на близких, не очень близких и смешанных языках (диалектах).

Из сказанного вытекает другой вопрос: могли ли одновременно прибыть в Дагестан носители всех этих языков (диалектов), т. е. все эти племена? Нет, конечно.

Мое лингвистическое построение поэтапно проникновения различных булгарских племен и языков удачно перекликается с выводами археологов, увидевших периодическую смену форм столовой, кухонной и тарной посуды, способов ее орнаментации в местах ориентировочной локализации раннесредневековых кочевников в Дагестане.⁷

Не возвращаясь опять к беспредметному вопросу о том, были ли самостоятельные булгарский, хазарский, гуннский, савирский или еще какие-нибудь другие языки из этого же круга, в какой степени эти языки были близки друг к другу, и при в коей мере не-

думая распространить наше предварительное замечание на всех т. н. болгар, хазар, гуннов и др., отметим следующее

Судя по сообщениям средневековых источников, на территории Дагестана до прихода огузов и кипчаков (т. е. до IX—X вв. н. э.) из предполагаемых тюрков кроме гуннов, савир, хазар никого другого не было. Поэтому можно предположить, что все они — гунны, савиры, хазары и т. п. говорили на разных, но во многом близких тюркских диалектах (языках), отличавшихся от кипчакских, огузских диалектов.

В этой связи весьма любопытно обратить внимание на такой факт. Хотя пребывание *чистых* болгар в Дагестане и очевидно, но, как это ни странно, ни в топонимии, ни в каких-либо местных преданиях этоним *булгар* в Дагестане, насколько мне известно, не проявляет себя. Не помещают болгар в Дагестане и средневековые источники. Но, с другой стороны, многие средневековые источники подтверждают присутствие в Дагестане гуннов (савир, хазар). Названия *гунны*, *хазары* сохранились в ряде местных преданий, в топонимической номенклатуре. Все это уже дает логическое основание предположить, что дагестанские болгары могли быть известны современникам под названиями *гунны*, *савиры*, *хазары*.

Финно-угоры и кресс-салат

В научной литературе отмечается, что в состав болгарского племенного объединения входили и отюреченные финно-угорские племена или чистые угоры. По крайней мере, мнение о том, что к северу от Дербентского прохода обосновалось близкое к савирам-гуннам (булгарам) угорское население, которое постригало волосы в угорском стиле спереди и заплетало их сзади в несколько кос⁷, не лишено основания⁸. Речь идет о близком к савирам «златолюбивом народе косоносцев», ставшем печально знаменитым в связи с опустошительными походами северного царя Джебгухагана (в одно время союзника византийского императора Ираклия в войне против Ирана) в соседние с Дагестаном Албанию и Грузию. Это они в 627 г. штурмом овладели Тбилиси, разрушили город, перебили его жителей⁹.

Я не думаю сегодня заново поднимать этот вопрос, который вряд ли когда-либо удастся окончательно и однозначно решить. Но выявленные в отдельных дагестанских языках слова, которые по форме и содержанию перекликаются одновременно с финно-угорскими и болгарскими (тюркскими) словами, позволяют до-

---

* В Византии такая прическа называлась «гунской» и носили ее столичные щеголи (Артамонов М. И. История хазар, с. 156)

Правда, лаксам, даргинцам старшего поколения, знающим с арабской, тюркской литературой, известно слово *путпарас* «идолопоклонник», однако они вряд ли замечают в этом религиозном термине основу *пут* в значении «идол», тем более увязывают с лакск *пут бакI* или дарг *пут бакI*. В русско-национальных словарях русское слово «идол» переведено на лакский язык тем же русским словом «идол», на даргинский язык — «*кванчи*», которое в дарг и лакск. языках означает «крест»

Между тем, слово *путI/бут* известно многим иранским и тюркским языкам и, вероятно, происходит от санскрит *bnuta* или пехл *but* «идол», «кумир». Ср древнетюрк *буI*, тур *пут*, азерб *боьт*, тат *пот*, туркм *бут* «идол» и «крест», но *бугхана* «буддийская пагода», «церковь», караим *пушмах* «идол», «знамя», «флаг», перс *бот*, тадж *буI* «идол»

Лакцы, конечно, в свое время тоже были идолопоклонниками и, возможно, имели своих идолов-истуканов в человеческом образе. Как это установлено, дагестанские, в том числе и лакские каменные надгробия, являются трансформированными изображениями идолов. Позднейшей трансформацией таких идолов являются различные варианты кумухских изваяний XVII—XVIII вв. — несколько вытянутый корпус, широкие плечи и шарообразная голова на цилиндрической шее¹²

Но это изображение надгробия лакцы называют *буркIна* (*буркI+на*), но не *путI*. Если у лакцев были свои изображения, имитирующие человеческую фигуру с головой, почему же и «человека с массивной головой» они не называют *буркIна бакI* или *буркI бакI*? Благоговейное отношение к своим «национальным» изображениям? Вряд ли. Ведь то же слово *буркI-на* получило у лакцев типичное для многих языков мира уничижительное переосмысление. См лакск *буркI* «болван», «истукан», «упрямец» и т. п., *буркI куна ацIан* «стоять словно истукан», см также и другой случай переосмысления «святого» слова в лакском — *ардас* «шесть на могиле (святого)», но и оно употребляется с уничижительным оттенком — «жердь, каланча, силуэт, истукан» (обычно о худом, длинном человеке)

Заметим, что лакск *путбакI*, дарг *путбекI* не является заимствованием-полукалькой ни персидского, ни азербайджанского, ни тумыкского языков, этим и другим языкам подобное словосочетание неизвестно

Ассоциация человека с массивной, большой головой у лакцев, даргинцев могла возникнуть если не в связи со своими изваяниями, то в связи с другими подобными изваяниями-идолами. А такие изваяния-идолы с массивной головой они могли увидеть с названием *пут* только у своих соседей—гуннов-булгар. Если вспомнить описание Моисеем Каганкатваца гуннских чудовищных изваяний-

идолов, которым приносили в жертву жареных лошадей, то станут понятными вполне естественные эмоции тогдашних лакцев, даргинцев и соответствующие их ассоциации

Так как идол во многих древних тюркских языках назывался *пуг*, *буг*, то допустимо, что и дагестанские гунны-булгары также называли своих идолов нарицательным словом *пуг*. Об этом лишней раз свидетельствуют показания венгерского языка, в котором интересующее нас *бута* заимствовано из болгарского языка. В венгерском языке *бута* не книжный термин, а разговорное слово и означает «глупец», «дурак», *бутасаг* «глупость», «чушь», *бута ноб* «глупая женщина», «дура» (ВРС.1)

О том, что предкам лакцев были известны гуннско-булгарские языческие символы-изображения, свидетельствует сохранившееся в современном лакском языке уничижительное слово *барбала* «пугало», «страшилище». Это название фигурирует в лакской скороговорке: *бизан къавнтли баьш, тлувайин, дутан барбала, ца риршусса къуркъути хьунна бавал клуклунийн*, «бизян кянтубяш (непонятно), чтоб кинуть в кухню барбала, форменный обрубок-горбун, выйду (замуж) туда, где мягко» (фо-чкл).

О том, что этот языческий термин был известен булгарам, свидетельствуют показания древнетюркских письменных памятников, см *балбал* «ритуальный камень, символизирующий человека», *балбал тик-* «поставить балбал» (ДТС)

Правда, можно было бы допустить, что это слово в Дагестан занесли кипчаки или огузы и оно впоследствии попало в лакский язык. Но дело в том, что ни в кумыкском, ни в азербайджанском этого слова нет. Поэтому можно предположить, что в данном случае речь идет о булгарском «безобразном» изображении человека-истукана, название которого получило в лакском закономерное переосмысление

Как считают исследователи, наличие письменности у хазар несомненно. Хотя это, быть может, и явное преувеличение, но в своем известном письме хазарский каган Иосиф упоминает о «родословных книгах», «хазарской летописи», о том, что у него «записано» Персидский историк начала XIII в. Фахр-ад-Дин, который, вероятно, опирался на более ранние источники, сообщает, что у «хазар тоже письмо». Есть мнение (В. В. Бартольда, М. И. Артамонова), что русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника

Существование письменности в Хазарии подтверждается археологическими находками надписи на камнях, баклажках, кирпичах из хазарской крепости Саркел. Правда, алфавит этих эпиграфических памятников, которые еще не расшифрованы, не греческий, они очень напоминают по начертанию буквы орхоно-енисейской письменности VII—VIII вв. В ее основе лежит арамейско ар-

шакидское письмо, оно имело весьма широкое распространение в Монголии, Средней Азии, Центральной Азии, возможно, оно дошло и до Хазарии¹³

Все это, хоть и косвенно, наталкивает на предположение, что и дагестанские булгары имели письменность, хотя нужно заметить, что никаких следов этой письменности в Дагестане не обнаружено*

В связи с вопросом, было ли какое либо письмо у дагестанских булгар, внимание привлекает одно лакское слово *bitli-xhigli* «то, что написано непонятно», «неразборчивый почерк», «плохой почерк», «наспех написанное», переи таг же уничтожит «письмо», «писанина, грамотность», «буквы» Вторая часть — *liitli* — обычный в лакском языке звукообразительный комплекс, который присоединяется к основному компоненту при образовании парных слов с оттенком пренебрежительности, уничижительности, ср *битан* «выстрелить», но *биту-ххигу* «беспорядочная стрельба», «пальба», «шумиха» (Однако не исключено, что *liitli*—это рифмованное лакское *xatli* (<тюрк, перс «почерк», «письмо»)

На тюркское происхождение лакского *bitli* у зывают древнетюрк *bitil/bitig* «надпись, почерк», «книга», «документ», «амулет», который восходит к *бити*—«вырезать надпись» восходящее, в свою очередь, к китайскому слову *пиет*—«кисть для письма» (ТС) В ряде тюркских языков *бити*, *битиг* впоследствии сохранилось только в значении «талисман, амулет», в том числе и в азербайджанском (*битиг*) и кумыкском (*битик*)

Здесь необходимо сделать оговорку если даже предположить, что в лакский язык *битик* в значении «амулет», «талисман» проникло из азербайджанского или кумыкского, то оно не получило бы такую пренебрежительную модификацию на лакской почве, т к это было бы святотатством со стороны лакцев-мусульман С давних пор лакцам известны мусульманские амулеты, обереги, талисманы—*гьаичили*, *чагъар* (букв «бумага»), *савав*, *дуаь* (букв «молитва»), восходящие к арабо-мусульманской традиции Все эти талисманы пишутся на не всем понятном арабском языке, но тем не менее иного отношения, кроме как благоговейного, ни к самим талисманам, ни к их названиям лакцы ничем не выражали

Слово *bitli* могло попасть к лакцам только до VII—IX вв, т е до начала распространения здесь мусульманства, а в X в позиции ислама в Дагестане начали укрепляться¹⁴ В лакском языке появились, видимо, несколько позднее, арабские термины *lapr*

* Не лишне вспомнить что в Венгрии живет племя тюркского происхождения *сакели* которое использовало особое письмо Оно наносилось не посредством пера а вырезалось на палках ножом Первые памятники этого письма относятся к XV в Венгерские исследователи считают, что это письмо—хазарского происхождения и сакели приняли его в окрестностях Черного моря (см об этом Немец Ю Специальные проблемы , с 134)

«буква», *жууж* «книжка», *таптар* «тетрадь, книга, документ, список» и т. д., активизировались исконные слова *лу* «книга» (ср. и «шкура») *чичрц* «письмо», «написанное», *чичин* «писать», «высекать», «выбирать» и т. д.

Таким образом, напрашивается вывод: единственным тюркским народом, который занес слово *битик* в Дагестан до VII—IX вв., мог и быть булгары.

По всей вероятности, предки лакцев видели у булгар чужое для них и непонятное письмо. И поэтому написанное непонятно, неразборчиво. Лакцы стали обозначать тем же булгарским неразборчивым, непонятным для них *bitli* (*бити*, *бигил*) и, подчеркивая свое пренебрежительное отношение к *bitli*, добавили еще и *хvitli*.

На болгарское происхождение лакского *bitli* указывает наличие этого же болгаризма в венгерском, *бетуй* «буква»¹⁵. Небезынтересно отметить, что слово *битил* в значении «письмо», «книга» сохранилось в караимском языке, оно встречается в караимских переводах Библии¹⁶.

Чародеи, шеголи и объяснение в любви

Анализ некоторых болгарских заимствований не только показывает, что дагестанское население было близко знакомо с болгарскими религиозными и бытовыми обрядами, но и дает основание думать, что эти обряды, возможно, с некоторыми модификациями, проникли и в собственно дагестанскую среду.

В кругу булгарских терминов, связанных с обрядом «колдовства», «чародейства», находится лакск. *чалмаж* — «шатер на могиле», он устанавливался для чтения Корана, который три, семь, а то и все сорок дней находился на кладбище, отсюда и *чалмаж бишун* букв. «водрузить (вонзить) чалмаж», «разбить шатер», что значит «заказать чтение Корана на могиле», «устроить чтение Корана на могиле». В даргинском языке это слово сохранилось в более первичном по сравнению с лакским значении *чалмаж* «шесть на могиле умершего».

Лакск., дарг. *чалмаж* восходит к болгарскому языческому термину, который из всех тюркских языков как болгарский субстрат сохранился, насколько мне известно, только в современных кумыкском и карачаево-балкарском кумык. *чалмаж* «чары, колдовство», «магия», «заклинание», *чалмаж эгмек* «колдовать, заклинать», *чалмажчы* «чародей, колдун», карачаево-балк. *чалмаш* «колдов-

ство», «заговор»* Как это доказано, эти слова восходят к древнейшей тюркской основе со значением «молить», «просить»¹

Факт перенесения лакцами и даргинцами на мусульманскую религиозно-обрядовую почву языческого термина *халмаж* сам по себе не может нас удивить. Во все времена в лакском языке уживаются и мусульманский *аллагь* «аллах», «бог» и исконно лакс *зал* в этом же значении, вместо принятого всеми мусульманами *пайхаммар* «пророк» (которое в современном лакском имеет только переносное значение—«человек без хитростей», «святой» «добряк») лакцы «официально» употребляют *идавс*, в свою очередь заимствованный из древнеиранского (языкового) мира¹⁸, см лакск *Ма-Іаммад идавс* «пророк Мухаммед», а не *МахІаммад-пайхаммар*, как следовало бы ожидать.

Однако остается непонятным, каким путем проникло к лакцам и даргинцам булгарское *халмаж* «колдовство», «магия»? То есть бы ли ими принят булгарский обряд колдовства и каким образом произошла трансформация понятия «колдовства» в «шест на могиле», «тент на могиле», «пир на могиле святого»? Может быть, речь должна идти о «магии, совершаемой на могиле»? В этом смысле любопытно, что в финно-угорском сохранилось интересное нас слово *калма* в значении «могила».

Мало кто из лакцев молодого поколения знает старинное поэтическое слово *кьюш уккан* «говорить красноречиво, увлеченно», которое чаще всего употребляется, когда имеют в виду беседу молодого человека с девушкой, т. е. «говорить увлеченно, очаровывать, заговаривать зубы», *тай кьюш буквкун бия* «они (девушка и парень) приятно и увлеченно беседовали», «они объяснились в любви».

Но *кьюш уккан* имеет и второе, казалось бы, не имеющее никакого отношения к первому, значение «принарядиться», «одеться красиво», «быть неотразимым» и т. п. Отсюда и *кьюшу* (*кьюш* + лакский словообразовательный суффикс *-у*) «щеголь, франт, стиляга, *кьюшу жагыл* (букв *кьюшу* «юноша») «красиво одетый молодой человек», «красавчик», «парень что надо».

Тюркское происхождение этого слова в обоих значениях оче-

---

* Как показали исследования последних лет (см Байчоров С. Я. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани. В кн. Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978; Он же. Гунно протобулгарско-северокавказские языковые контакты. В кн. Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982; Он же. Карачаево-балкарский арабизированный памятник и его отношение к булгарскому языку. В кн. Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982), карачаево-балкарский язык характеризуется наличием в нем достаточно выраженного булгарского субстрата не только на уровне лексики. Причем следует добавить, что память о пребывании булгар на Северном Кавказе прослеживается в материальной и духовной культуре карачаево-балкарцев.

видно Ср древнетюрк *кош-* «предсказать, составить гороскоп, заниматься предсказанием и чародейством», крымско-тат. *кошувчы* «чародей, колдун», *кош-* «очаровать, околдовать», чуваш. *куштан* «щеголь, мот» В караимском языке это слово имеет одновременно оба интересующие нас значения: 1) *кусналык* (*кус+на+лык*) «колдовство», *кусналык этивци* «чародей, предсказатель», *куснацы, кусначы* «колдун», *кѳосмачылык* «волхование», *кѳошмакѳ* (*кѳош+макѳ*) «обаяние, чародейство, ворожба», *кѳушнашлык* «гадание, ворожба, чародеяство», *кѳушнаш* «гадальщик» и 2) *кѳушан* «нарядиться, принарядиться» (Караим Сл.).

Из тюркских языков оно проникло и в другие языки. Например, см в удмуртском: *куштан* «гордый, щеголь», в русском (диалект). *коштан* «ходаган по мирским делам, горлан и коновод на сходках, и тут, ябедник, пролаза»

В какой связи находятся в самих тюркских языках слова «чародей» и т.п. и «принарядиться», «щеголь», не очень ясно. Р. Г. Ахметьянов пишет по этому поводу «Вероятно, древнейшее его значение в татарском языке «советник и созыватель войск у хана», который надевал, как отличительный знак, одежду с вышитым подолом подобно китайским чиновникам, затем оно стало обозначать человека, старающегося угождать властям. Ср в татарском *куштан итакъ* «вышитый подол», «подол со сборками», ст.-татарск *луштан* «ябедник», «клевещник»¹⁹ Замечание Р. Г. Ахметьянова как будто подтверждается данными караимского языка, если только «вышитый подол» заменить «поясом», ср караим *кѳушакѳ* (*кѳуш+акѳ*) «пояс», *кѳушан-* «опоясаться, прицепить оружие и надеть на себя; одеться, нарядиться», «принарядиться» (Караим. Сл.).

Не зная подробной этимологии этого слова и взаимосвязи понятий «чародей», «принарядиться», «щеголь», невозможно говорить о способе проникновения этих слов в татарский язык в связи ли с заимствованием у болгар еще не совсем нам известного древнетюркского обряда, или же в качестве рядового лексического заимствования вне связи с самим обрядом. Источником же заимствования для лакского языка считаем болгарский язык, поскольку в других более или менее вероятных для лакского языка тюркских источниках заимствования (кумыкском, азербайджанском) это слово, тем более в обоих первоначальных своих значениях, отсутствует. о возможности же заимствования из татарского или караимского не приходится говорить

Загадка, каша новобрачной и норма поведения

У гуинов был обычай слагать хвалебные стихи *сыгъы* об умершем, которые распевались специальными псаломщиками²⁰ Ис-

следователям известен, например, латинский перевод такого стихотворения по поводу смерти знаменитого гуннского вождя Аттилы²¹.

Источники сообщают о шумных похоронах у болгар, у дагестанских гуннов-булгар. Этот обычай был и у других тюркоязычных народов, о чем свидетельствуют: древнетюрк. *сыгъыт* «рыдание, плач», *сыгъытчи* «участник поминального обряда, плакальщик» (ДТС); кумык. *сыкъта*- «хныкать» (КРСл); карaim *сыхта*- «громко плакать, рыдать», *сыкъта*- «печалиться, грустить» (Караим. Сл.). У чувашей интересующее нас название жанра — стихотворное причитание по умершему — расширило свое значение, впоследствии им стали называть любое стихотворение, сочиненное на какой-либо случай²².

Я не знаю, местный ли это обычай или восходит ко временам болгаро-дагестанских контактов, но лакцы (женщины), вопреки мусульманским канонам, устраивают громкое оплакивание умершего — *яс*, в котором обычно принимает участие плакальщица, исполняющая траурную песню-импровизацию *зума* (этимология нам не очень ясна), где восхваляются достоинства умершего и т. д. В старину принято было (особенно в состоятельных домах) специально приглашать плакальщиц.

Память о гуннском (булгарском) обычае оплакивать умершего исполнением *сыгъы* осталась в лакском языке в форме *ссигъа* «загадка», ср. *ссигъри бичлан* «говорить непонятно», «говорить иносказательно» и т. п. Но возникает вопрос, какая может быть связь между тюркскими понятиями «траурное причитание», «траурное стихотворение» и лакским «загадка», «непонятная речь»?

Конечно, логичнее предположить, что траурные причитания песни соседей, гуннов-булгар, лакцам не были понятны, и отсюда булгарское *сыгъы* у лакцев стало означать «то, что непонятно», «загадка». Но при всей кажущейся логичности это не так.

Скорее всего, еще у самих тюрков, в данном случае у дагестанских гуннов-булгар, *сыгъы* означало не только «траурное причитание-стихотворение», но и «то, что непонятно», «то, о чем приходится догадываться». Видимо, эти причитания исполнялись в стихах, не очень понятных для всех смертных. Прозрачную аналогию таковой возможности дает татарское *сыу-бал* «гадание по стихам»; здесь имеем типичный повтор исконного и заимствованного: *сыу* — исконно татарское слово, оно означает «некоторый вид гадания», второй компонент *бал* «гадание по книге» восходит к арабскому *фал*²³.

Но более наглядный пример соотнесенности понятий «красноречие, стихотворение» и «загадка»: тат. *чачан*, башк. *сасан* «красноречивый; народный поэт», уйг. *чечен*, тув. *чечен*, ног., казах, ккалп. *шешен* «красноречивый», якут. *сесен* «народный по-

эт; советчик вождя», чуваш *чечен* «очарование»⁴, но в кумыкском *чегеген емалъ* «загадка». Или другой пример: тат. *такмаза*²⁴ «рифмованная речь, народный стих», кирг. *такмаза* «сатирическая песенка», но в туркменском *тапмача* «загадка», узбекском *тапмача*, в крымско-гатарском, азербайджанском *тапмаджа* «рифмованная загадка», «шарада», «ребус»¹.

В кругу обрядовых слов, проникших из болгарской среды, можно рассмотреть также лакск. *яхша* (*йахша*) «лапша домашнего производства»; см. *яхшалул накъ* букв. «суп из лапши»

Лакское *яхша* имеет древнетюркское происхождение; ср. древнетюрк. *лакъша*, *лакъш* «пшеничная мука» (ТС), тат. *лакша*, «лапша», ног., казах. *лакша* «лапша».

На болгарское происхождение лакского *яхша* указывает чувашское *шка* «варево, суп, поллебка». Первоначально было *якша*, но в результате типичной для чувашского языка метатезы *кишк* *якша* дало *яшка*. Нужно подчеркнуть, в форме с начальным *йа* (*я*) это слово известно только в чувашском и лакском языках²⁵.

Опять-таки, я не берусь судить, проникло ли *яхша* в лакский язык вместе с болгарским обычаем или же оно проникло как любое другое рядовое название блюда, безотносительно к «обряду с лапшой». Однако нельзя не обратить внимание на следующее совпадение.

У лакцев «каша», как и у чувашей, татар и др. народов Поволжья, — ритуальное, горжественное блюдо, которое готовят по случаям «выхода плуга», «весеннего праздника», «закладки фундамента дома», «рождения дочери». Обращает на себя внимание совпадение лакского обряда «каша девушекки», («каша невестки») и чувашского «суп девушкики». Чувашский *хер яшки* «суп девушкики»: хотя в свадебном обряде вовсе необязательно, чтобы он варился самой невесткой, это было лишь условным названием первой совместной трапезы брачующихся сторон; см. также у марийцев: *лашка* «первый суп, который варила невестка в доме мужа»²⁶. Точно так же у лакцев *душнил ккурч*, *жалиндалул ккурч* «каша девушкики», «каша невестки» — почетная ритуальная каша, которой утром после свадьбы в доме жениха угощают родных.

Правда, во всем этом может быть случайное совпадение. Но тем не менее, мы не можем не обратить внимание и на следующую болгарскую «привязку» к лакскому обычаю «каша девушкики». Если в день выхода невесты из родительского дома в дом жениха пойдет дождь, то обязательно «припомнят» *тилачи буцайсса*

---

* Между прочим, *чачан* (<тюрк) — распространенный эпитет юноши, возлюбленного в лакском фольклоре

** Отсюда и лакск. устойчивое словосочетание (<азерб.) *папа-жартту бич-лан* «говорить загадками, говорить чужь»

бивгун бур букв. «оказывается, (невеста) имела привычку слизывать (кашу) с *тилачи*». В какой связи находится «дождь» и «привычка слизывать кашу с *тилачи*», я не могу объяснить, но само слово *тилачи* «палочка для помешивания каши во время варки» восходит к болгарскому слову. На это указывают чуваш. *тила* «мялка» и венгерское *тило* «мялка для конопли, трепало», на болгарское происхождение которых указывал еще З. Гомбоц²⁷.

Лакское *тура* «обычай, порядок, норма поведения, привычка, черта характера». Некоторые значения этого слова проявляются в лакских выражениях: *лархьхьу тура* «привычка, обыкновение» (здесь *лархьхьу* — определение к *тура*, букв. «заученное, приобретенное»), *лархьхьу тура даххана дан къашайссар* — букв. «привычку (к которой привык) нельзя изменить», примерно соотв. русск. «горбатого могилла исправит».

На первый взгляд, есть прямой смысл увязать лакск. *тура* с еврейским религиозным термином *Тора*. Тем более, в караимском языке, носители которого исповедуют иудейскую религию. *Тора* — это и «Библия Ветхого Завета», и «закон». Известно, что караимы — один из древних тюркских народов, которые продолжительное время контактировали с хазарами, болгарами. Как показали исследования лингвистов (В. А. Гордлевского, С. М. Шапшала, В. И. Абасва, К. М. Мусаева и др.), эти контакты нашли свое отражение в языке караимов, где, с одной стороны, много слов, сходных с чувашским, и, с другой — с осетинским.

Вместе с тем у нас найдется немало других сведений, которые так или иначе можно увязать с вопросом о соприкосновении древних дагестанцев с иудеями. Вспомним хотя бы то, что часть хазар исповедовала иудейскую религию, а о связях дагестанцев с хазарами мы уже говорили выше.

Однако эту версию, при всей ее кажущейся перспективности, приходится отбросить, так как лакск. *тура* не имеет отношения к *Тора* «Библия Ветхого Завета», а восходит к древнетюркскому термину *тура* «обычай».

На древнетюркское происхождение лакск. *тура* указывают памятники древнетюркской письменности, в которых *тоураб* (его фонетический вариант *тоуруь* — «обычай, порядок, правило, обряд, свадебный пир, закон». В значении «правило, закон» это слово у древних тюрков употреблялось и вместе с *къылкъ* (его фонетические варианты *къылыгъ*, *къылыкъ*) «нрав, поступок» (ДТС).

Слово *тура* в своем основном и первоначальном значении «обычай, порядок», может, и «закон» к лакцам могли занести болгары, т.е. болгарский язык по времени старше древнетюркских письменных (орхоно-енисейских) памятников, а в других тюркских языках, с которыми лакский язык контактировал, это слово имеет только свои побочные, вторичные значе-

ния, как, например в кумыкском *товре* «суд, расправа», в ногайском *тура* «феода», «знатный человек», а в азербайджанском этого слова нет. Примечательно то, что первоначальное значение этого древнего тюркского слова представлено в языке венгров, которые, как отмечали выше, до IX в. активно контактировали с болгарским миром (см. венг. *tozveny* «закон» и ближайший к нему обрядовый гермин *toz* «поминки»), и в языке караимов.

Впоследствии *гура* в татском языке было оттеснено и «ущемлено» в своем статусе социально-политического термина новыми заимствованиями *абдат* (<араб) «обычай, право, закон, привычка», *хасият* (<араб) «порядок, характер, привычка», «нрав», «настроение», *нассава* (<араб) «обычай, порядок, натура», *ях/* (араб) «честь, достоинство, выдержка, характер», *наиус* (араб) «достоинство, честь».

Богиня любви и материнства спускается на землю

Рассказывая о дагестанских гуннах Моисей Каганкатваци поведал нам не только о чудовищном идоле Тангрилане, которому гунны приносили в жертву жареных лошадей. В гуннском пантеоне почетное место занимала богиня любви и красоты, в честь которой служители и служительницы устраивали торжественные богослужения. Правда, албанский историк не сообщает гуннского или дагестанского имени этой прекрасной богини, но, как и в других аналогичных случаях, он называет греческое соответствие — Афродита. Этого вполне достаточно, и по данным памятников древнетюркской письменности и других тюркских языков нетрудно установить, как звали гуннскую богиню. Ее звали *Умай*.

Если судить по древнетюркским письменным памятникам и показаниям некоторых тюркских и монгольских языков, *Умай* у гуннов была многоликой богиней. В одном лице она совмещала все красивое и возвышенное, она покровительствовала не только любви, но и плодородию, материнству и младенцам. См. у древних тюрков *умай* «имя богини» и «мать», у татар *Умай-ана* («мать Умай») «богиня плодородия», у шорцев *умай* «дух — хранитель младенцев», но и «утроба матери», «матка», в монгольском языке это имя сохранилось как «рядовое» слово в сугубо «земном» значении *умай* «чрево» (МРСл).

Как показали исследования, у древних тюрков (надо думать, и у дагестанских гуннов) существовало поверье, что божество любви и красоты может помочь юноше или девушке вызвать ответное чувство в сердце любимого человека, соединить молодых, одарить потомством бездетных, охранять детей и женщин.

Мы, правда, не знаем, как звали богиню любви и плодородия у коренных дагестанцев (а она, как и у всех древних народов,

видимо, была и у них—это объясняется типологически) Но вряд ли дагестанцы стали бы давать своей богине гуннское имя. Скорее, благозвучное имя гуннской богини-красавицы древние дагестанцы стали давать своим дочерям. Не исключено, что *Умай* и у самих гуннов (как же, как других тюрков) употреблялось в виде женского имени, и оно, как *Гьумай*, проникло в дагестаноязычную среду. Начальное *гь* (*Умай* > *Гьумай*) могло возникнуть на собственно гуннской или дагестаноязычной почве (на что указывают примеры фонетического видоизменения тюркских слов в лакском языке)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что стало с булгарами в дальнейшем? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, т. к. нас интересует, насколько близкими стали взаимоотношения болгар и дагестанцев и какое место заняли они в родословном древе дагестанских народов.

Из вышеизложенного было ясно, что болгары в Дагестане окончательно осели и стали, так сказать, местными жителями. Поэтому уход их всех из Дагестана «в один прекрасный день» практически исключается.

О дальнейшей судьбе дагестанских болгар довольно определенно могут сообщить опять-таки те же болгарские слова, которыми мы до сих пор оперировали. Как уже подчеркивалось, я в этой работе остановился только на тех болгарских словах, которые характеризовались специфическими болгарскими фонетическими особенностями и чем-то отличались от своих корреспондентов в азербайджанском и кумыкском языках.

Но ведь лакцы не могли заимствовать из болгарского языка выборочно только те слова, которые имеют именно специфические особенности? С другой стороны, надо думать, что в болгарском языке большинство слов не имело ярко выраженных болгарских фонетических черт. Здесь можно сослаться на современный чувашский язык, в котором слова с чувашско-болгарскими фонетическими особенностями не оставляют даже половины словарного состава. Таким образом, выходит, что практически не привлеченными, не учтенными мною остаются еще многие болгарские слова, которые в действительности представлены в современном лакском языке.

Кроме того, необходимо иметь в виду фактор времени. О количестве болгарских слов в лакском языке мы судим по состоянию на сегодняшний день. Но после прекращения дагестано-болгарских контактов прошло по меньшей мере девять веков, и за это время из словарного состава лакского языка, должно быть, выпало много слов, в том числе и болгарских. Следовательно, в свое время в лакском языке было куда больше болгарских слов, чем можно увидеть сегодня.

В таком случае, чем же объясняется наличие в лакском языке значительного количества болгарских слов? Единственно возможным условием для такого проникновения могло стать смешение болгар с лакцами, при котором болгары, этнически растворившись в лакской среде и перейдя на лакский язык, оставили в нем определенное количество своих слов как явление суперстрата. Только при таком вероятном допущении можно объяснить не только количество, но и разнообразие тематики лакских болгаризмов, вклю-

чающих названия предметов домашнего обихода, продуктов питания и блюд, частей тела, явлений физиолого-психического состояния и др. слова.

Точно так же можно объяснить наличие болгарских слов в современном кумыкском языке, только это является результатом процесса обратного — субстратного направления. Тогда как в горах местное население растворило в себе пришлое болгарское, на равнине и предгорьях местное болгарское население само растворилось в пришлых кипчаках и огузах. Кипчакские вторжения совпали со временем, когда уже не было Хазарского каганата, под протекторатом и покровительством которого находилось «Царство гуннов» в Дагестане. Видимо, и само царство к этому времени прекратило свое существование. Хозяйственно-экономическая жизнь в крае, должно быть, находилась в упадке¹. Сказались продолжительные и изнурительные войны с арабами, упорно пробивавшимися через Дагестан дальше на север. В период арабо-хазарских войн, нашествий гузов (огузов) часть населения ~~была истреблена~~, часть ушла в горы, в более безопасные места.

Решающую роль в процессе кипчакизации болгароязычного населения на плоскости сыграло даже не численное соотношение контактировавших сторон. Общая военно-политическая ситуация на обширной территории Дашт-и-Кипчака и северо-западного побережья Каспия, в силу многих объективных обстоятельств, к X—XIII вв. сложилась в пользу половецко-кипчакского этноязыкового движения. Видимо, поэтому и кипчакско-болгарские этноязыковые взаимоотношения с самого начала стали развиваться в сторону кипчакизации.

Не исключено также, что известная часть дагестанских болгар, вероятнее всего под натиском более могущественных пришельцев, ушла по старым проторенным маршрутам на Волгу и на Дунай к своим соплеменникам. В этой связи интересно отметить, что в середине X в., когда память о первоначальной общности у поволжских и дунайских болгар, казалось бы, должна была стереться, группа болгаро-мусульманской знати из Волжской Булгарии переселилась не куда-нибудь, а в Венгрию и основала свою колонию-общину в Пеште². Но, кроме догадок, в пользу этой версии ничего конкретного пока что нельзя сказать. Может быть, в научной ее разработке полезным окажется более углубленный и всесторонний анализ фактов дагестанско-венгерских и дагестанско-чувашских, татарских, марийских и др. лексических встреч с широким привлечением показаний сравнительной этнографии, фольклора и т. д. Перспективность этого направления поиска следов кавказско-дагестанских болгар доказывают и те пока что единичные случаи лексических совпадений, на которые мы обращали внимание в этой книге.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вместо предисловия

¹ Хаппалаев Ю. Педеру Хузанаю/Юсуи Хаппалаев Избранное Махачкала 1968 (На талском языке) Построчный перевод с талского языка

Были ли булгары в Дагестане

¹ Федоров Я. А. Федоров Г. С. Ранние булгары на Северном Кавказе// Тр. Карачаево-Черкесского НИИ Ставрополь 1968 Т. VI

² Хроника Захрия Ритора кн. 12 гл. 7 Цит. по Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР М. Л. 1941 С. 165

³ Иордан О. Происхождение и деяния гетов «Getica» Перевод Ч. Скрижинской М. 1960 § 36—37 Цит. по Гениш В. Ф. Халиков А. А. Ранние булгары на Волге М. 1964 С. 106

⁴ Хроника Захрия Ритора кн. 12 гл. 7

⁵ Артамонов Н. А. История хазар Л. 1962 С. 127—128

⁶ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков М. 1969 С. 231—242

⁷ Ашмарин Н. И. Булгары и чувашаи Казань 1902 С. 50—52

⁸ История Дагестана ч. I М. 1967 С. 116—117, 227—130, 168—171

⁹ См. об этом Гаджиев Л. Б. «Царство гиннов» (савир) в Дагестане (IV—VII вв. н. э.) Автореферат кандидатских М. 1980

¹⁰ Гасанов М. Р. Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана Вопросы истории Дагестана Махачкала 1975 С. 166

¹¹ Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение//Тр. второй сессии ассоциации арабистов 19—23/V—1937 В кн. Труды Института востоковедения вып. XXXVI М. Л. 1941 С. 105

¹² Услар П. К. Габасаранский язык Тбилиси 1979 С. 43—46

¹³ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР М. 1941 С. 30

¹⁴ Там же С. 81—87

¹⁵ Артамонов М. И. Указ рлб С. 184

¹⁶ Там же С. 273—309

¹⁷ См. Гаджиева С. Ш. Кумыки С. 36—37

¹⁸ См. об этом подробно Гаджиев А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л. 1979 С. 61—67

19 См. об этом подробно: Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата М., 1983

20 Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.

21 Ибн-Хаукаль. «Книга путей». СМОМПК, вып. XXXVIII Тифлис, 1908. С. 109

22 Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков, с. 238. Между прочим, многие авторы, ссылаясь на указанную работу Н. А. Баскакова (когда речь идет о хазарском языке и его близком родстве с булгарским или чувашским), к сожалению, совершенно не обращают внимания на это серьезное и ясное предостережение авторитетного ученого-лингвиста.

23 Щербак А. М. О рунической письменности Юго-Восточной Европы. Советская тюркология, 1971. № 4 С. 80

24 Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 175—176

25 См. об этом Баскаков Н. А. Указ. работа

26 Ибн Хаукаль Указ. работа

27 Ал-Истахри. «Книга путей и царств». СМОМПК, вып. XXIX. Тифлис, 1901. С. 39

28 Ибн-Хаукаль Указ. работа С. 133

29 См. об этом подробно: Буннягов З. М. Азербайджан VII—IX вв. Баку, 1965.

30 Буннятов В. М. Указ. раб., с. 70—75; Гукасян В. Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков Автореферат докт. дис. Баку, 1973

31 История Дагестана Т. I С. 169

32 Там же. С. 170.

33 Предание записано в с. Кумух этнографом А. Г. Булатовой

34 См. комментарии М. Алиханова-Аварского в кн. Тарихи Дербенд-Наме/Под редакцией М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 45—46.

Как расставить точки над і

1 Геннинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 131.

2 Об этом подробно в историческом плане см.: Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков М., 1970 С. 179

3 Об этом подробно см. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964 С. 49, Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков М., 1974. С. 604—606.

4 В диалектах это слово зафиксировано Р. И. Гайдаровым (Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1967. С. 13) и Ф. А. Галиевой (Галиева Ф. А. Джабинский говор лезгинского языка Диссертация на соискание канд. филолог. наук Рукопись)

5 Фехерь Г. Остагыци от езика дунавскитъ пра българи. Известия на българския археологически институт Т. V. 1928—29 София, 1928 С. 145

6 Асланов В. И. К проблеме реконструкции корневых морфем. Журн. СТ, 1971 № 2 С. 75

7 См об этом Щербак А М Сравнительная фонетика тюркских языков. С 161, Добродомов И Тюркизмы славянских языков, как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков Соответствие с:ш. Журн.-СТ, 1971 № 2 С 80—82

8 О некоторых из них см Османов М Некоторые вопросы даргинской топонимии УЗ ИИЯЛ, т XIV Махачкала, 1965 С 288

9 Услар П К Языкознание Хюркилинский язык Тифлис 1892 С 4, Козубский Е Очерк истории Темир Хан Шуры СМОМПК вып XIX Тифлис, 1894 С 12, Ган К Ф Опыт объяснения кавказских географических названий СМОМПК XI 1909 С 136 (К Ф Ган шурай считал «даргинско тюркским словом», но, к сожалению, автор не уточнил, какой язык подразумевает он под термином «тюркский» Во всяком случае, он не имел в виду кумыкский или азербайджанский языки, т к автор не мог не знать что в этих языках нет такого слова, а в значении «озеро» «болото» в них представлены другие слова

10 Козубский Е Указ раб

11 Щербак А М Сравнительная фонетика, с 161

12 Об этой закономерности подробно см Добродомов И Г Проблема изучения болгарских лексических элементов в славянских языках Автореферат докт дисс М, 1974 С 8 и след

13 Санжеев Г Д О тюркско монгольских параллелях Советская тюркология, 1973 № 6 С 75

14 Кадыржиев К Язык и история Советский Дагестан, 1971 № 4

15 Об этих тюркских словах см Щербак А М Названия домашних и диких животных в тюркских языках Сб ст Историческое развитие лексики тюркских языков М., 1961 С 109

16 Щербак А М Сравнительная фонетика. С 160

17 Об этом явлении см также Гаджиева Н З Тюркоязычные ареалы Кавказа М, 1979 С 231

18 Об этом см Щербак А М Сравнительная фонетика С 183, Ройзензон Р И К вопросу о протетических согласных в славянских языках//Тр Узбекского гос унта Новая серия, вып 60 Филологический факультет Самарканд, 1955 С 68.—69

19 Рясянен М Материалы по исторической фонетике тюркских языков М., 1955 С 25, 160

20 Об этом подробно см Щербак А М Сравнительная фонетика С. 160, Ахметьянов Р Г Общая лексика духовной культуры С 89—90

Еще кое-что о булгарах

1 Немет Ю Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. ВЯ, 1963 № 6 С 128

2 Выступление А М Щербака на обсуждении его книги «Сравнительная фонетика тюркских языков» Советская тюркология, 1971 № 1 С 134

3 Смирнов А П Волжские болгары М, 1951 С 3

4 Федоров Я А, Федоров Г С Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978 С 5

5 О процессе кипчакизации населения равнинного Дагестана подробно см

Гаджиева С Ш Кумыки С 30—33 39—40 (Литература по в просу тм же) О процессе огузизации населения восточной части Закавказья (соврем Азербайджан) см Гусейнов Р А Тюркские этнические напластования в IX—XII вв в Закавказье В кн Семинар по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа//Тезисы докладов Баку 1966 Блния тов З М Азербайджан в VII—IX вв Баку 1965 С 170—175

6 Магомедов М Г Хазарские поселения в Дагестане Советская археология 1975 № 2 С 215—217 (Литература по вопросу там же)

7 См об этом подробно Гмыря Л Б Указ раб С 16 (Литература по вопросу там же)

8 Федоров Я А Федоров Г С Ранние тюрки на Северном Кавказе С 63

9 Моисей Каганкатваци История агван СПб 1861 С 109—110

10 Об этом подробно см Михайлов К М Еще несколько дагестанских аланизмов Этимология 1970 М 1972 С 336

11 Об этом слове в финно угорских подробно см Сводеш М Лингвистические связи Америки и Евразии Этимология 1964 М, 1965 С 290

12 Об этом подробно см Дебиров П М Резьба по камню в Дагестане М 1966 С 35—36

13 Об этом подробно см Артамонов М И История хазар С 269 (Литература по вопросу там же)

14 Шихсаидов А Р Распространение ислама в Дагестане (VII—XV вв) //Автореферат канд дисс Махачкала 1960 С 7—8

15 Гомбоц З Указ раб, с 44—45

16 Мусаев К М Указ раб, с 39

17 Этимология принадлежит К Кадыраджиеву, который любезно ознакомил нас с подготовленной к печати рукописью работы

18 О происхождении лакск *идавс* «пророк» подробно см Абдуллаев И Х К истории названий «пророк» в дагестанских языках Этимология 1970 М 1972 С 339—346

19 Ахметьяпов Р Г Общая лексика духовной культуры С 85

20 Сейидов М А Древнеазербайджанский массовый ритуал *сагъы* и не которые замечания по поводу этимологического анализа термина слова *сагъы* Изв АН АзССР сер ит ры языка и искусства 1979 № 1

21 О словах связанных с этим обрядом в тюркских языках и литературу по вопросу см Ахметьянов Р Г Общая лексика духовной культуры

22 Там же

23 Там же

24 Там же С 110

25 Указ работа С 87

26 Там же

27 О болгарском происхождении этого слова подробно см Гомбоц З Указ раб С 129—130

Заключение

1 См об этом Федоров Я А Федоров Г С Указ раб С 216—219

2 Немет Ю Указ раб С 134

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- агул. — агульский
азерб. — азербайджанский
андийск. — андийский
башк. — башкирский
булг. — болгарский
венг. — венгерский
дарг. — даргинский
древнетюрк. — древнетюркский (язык памятников древнетюркской письменности)
манс. — мансийский
монг. — монгольский
ног. — ногайский
перс. — персидский
рут. — рутульский
табас. — табасаранский
тат. — татарский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
фин. — финский
хант. — хантыйский
черем. — черемисский
цах. — цахурский
шор. — шорский
юкаг. — юкагирский
АДСл — Диалектический словарь азербайджанского языка Баку, 1967
АРСл — Азербайджанско-русский словарь Баку, 1965
Ашмарин Сл — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. I. XVII Че-
боксары, 1933—1950
ВРСл — Венгерско-русский словарь Москва, Будапешт, 1969
ДТС — Древнетюркский словарь Л., 1969
Караим Сл — Караимско-русско-польский словарь. М., 1974
Кипч Сл — Аттух фатуз закянту филлугатит туркия (Редкий дар о турец-
ком (кипчакском языке) Ташкент, 1968
КРСл — Кумыкско-русский словарь М., 1969
МРСл — Монгольско-русский словарь М., 1966
Севортян Сл — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков
М., 1976 Т. I
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТРСл — Турецко-русский словарь М., 1972
УРСл — Уйгурско-русский словарь М., 1968
РЧСл — Русско-чувашский словарь.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Рассуждение о сводных брагьях	11
Булгары и чувашы	13
Были ли булгары в Дагестане	15
Гунны	16
Савиры	21
Хазары	22
Как расставить точки над <i>i</i>	31
Булгарские слова	36
Еще кое что о булгарах	53
Булгары в горах Дагестана	55
Булгары философы	60
Чароден щеголи и объяснение в любви	64
Загадка каша новобрачной и норма поведения	66
Богиня любви и материнства спускается на землю	70
Заключение	73

Нурислам Сиражутинович Джидалаев

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Рецензенты Г С Федоров канд истор наук Л С Левитская канд
Филол наук

Редактор Н С Тумбова, Художник Э В Лубьянов, Худож редактор
М В Левченко Техн редактор С К Амирханова Корректор
И С Бородинна

ИБ 1608

Сдано в набор 11 05 89 Подписано в печать 10 07 89 С 04746 Формат
60x84^{1/2} Бумага тип 2 Гарнитура «Литературная» Печать высокая Усл печ л
4 65 Уч изд л 5 26 Тираж 1500 Заказ 1530 Цена 20 коп

Дагестанское книжное издательство Государственного комитета
Дагестанской АССР по делам издательств полиграфии и книжной торговли
367025 Махачкала ул Пушкина 6

Типография им С М Кирова Государственного комитета
Дагестанской АССР по делам издательств полиграфии и книжной торговли
367025 Махачкала, ул Маркова 51